ЗНАНИЕ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ педагогический факультет 10'79

И. Кошелева

ВСТРЕЧИ С ИСКУССТВОМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В воспитании эстетического вкуса, эмоциональной отзывчивости подростка, в передаче ему художественных знаний многое могут сделать родители.

Автор беседует с родителями о воспитательных задачах, связанных с искусством, эстетикой, вкусами, художественными навыками, и показывает на конкретных примерах, какие средства из этого арсенала могут использовать родители в своем повседневном воздействии на детей.

Брошюра рассчитана на родителей.

- ГЛАВА ПЕРВАЯ
- 1. ЛИШНЕЕ ИЛИ НЕОБХОДИМОЕ?
- 2. ЛИСТКИ ИЗ ПАПКИ
- ГЛАВА ВТОРАЯ
- 1. САШКА-ЭПИКУРЕЕЦ
- 2. ЗИГЗУГА
- 3. ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ ВЕРА
- 4. МАША-ВСЕЗНАЙКА
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- 1. ЕСТЬ ТАКОЙ ГОРОД
- 2. «ПРОПАЛИ МУХИ»
- 3. ПО ОДНИМ ЗАКОНАМ
- 4. В ОЖИДАНИИ ЧУДА
- 5. ПОДАРОК
- 6. «ХОЧУ БЫТЬ ХОРОШЕЙ»
- 7. СЧАСТЬЕ ПОНИМАТЬ, СЧАСТЬЕ БЫТЬ ПОНЯТОЙ
- 8. ЛИЧНО В ОТВЕТЕ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- 1. СЛЕПЕЦ ИЛИ ЗРЯЧИЙ?
- 2. ВСЕ ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

Народный университет. Педагогический факультет. № 10, 1979 г. Издается ежемесячно с 1964 г.

И. Кошелева
ВСТРЕЧИ С ИСКУССТВОМ

Издательство «Знание». Москва 1979

74.913
К76
И. Я. Кошелева
К76 Встречи с искусством. М., «Знание», 1979. 96 с. (Нар. ун-т. Пед. фак., № 10. Издается ежемесячно с 1964 г.).

В воспитании эстетического вкуса, эмоциональной отзывчивости подростка, в передаче ему художественных знаний многое могут сделать родители.

Автор беседует с родителями о воспитательных задачах, связанных с искусством, эстетикой, вкусами, художественными навыками, и показывает на конкретных примерах, какие средства из этого арсенала могут использовать родители в своем повседневном воздействии на детей.

Брошюра рассчитана на родителей.

60300
74.913
©Издательство «Знание», 1979 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ЗАЧЕМ ОНО НУЖНО, ЭТО ИСКУССТВО!

Тем теплым весенним вечером шли мы от площади Маяковского до Белорусского вокзала пешком. Каждый наедине с собой и объединенный со всеми недавней взволнованной полутьмой театрального зала. Верещал пятилетний Максик, прыгал, приставив пальцы-рожки ко лбу, подражая олененку Бэмби...

Мы вышли из театра на улицу, словно омытые живой водой, на долгое время заслоненные от всего мелкого, суетного впечатлением от спектакля: с избытком сил, моральных и физических. Обновленными. И такая знакомая улица Горького смотрелась в эти минуты по-новому. Словно вернулась из далекого далека яркость первых открытий. С удивлением рассматривала я огоньки световой рекламы, нарядную толпу, обтекающую нас, витрины магазинов, затихших и опустевших.

...Разве в такие минуты задаешь себе вопрос: зачем нужен этот спектакль? И стоило ли тратить драгоценное время на театр? Нужно. Стоило. Ради этих самых минут. Для того, чтобы увидеть мир вот таким, «умытым», ярким. Не спрашивая, отвечаешь себе именно так. Так чувствуешь. Жизнь человеческая самоценна, и столь же самоценным кажется всегда настоящее искусство, когда с ним встречаешься.

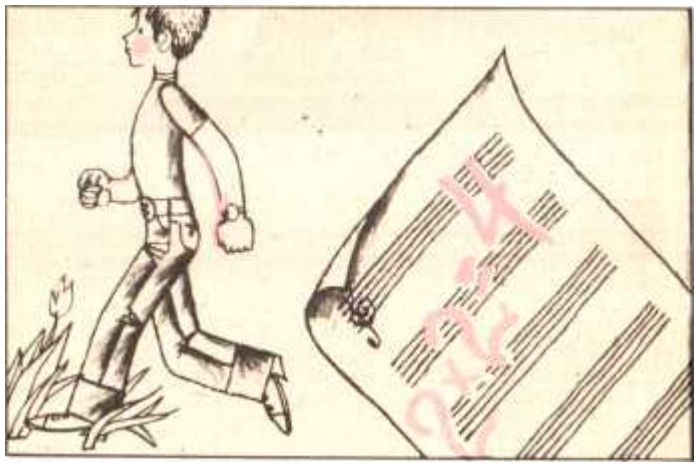
...Но прошло время, и, задумав книгу о встрече растущего человека с искусством, о роли прекрасного в становлении личности, я снова вернулась к тому весеннему вечеру, к той тишине и к тем взрывам в театре.

Что дает искусство ребенку, подростку, юноше? Почему встреча с ним иногда играет большую и добрую роль в становлении человека, а иногда проходит формально, не задев души? Что мы, родители, должны ждать от воздействия на наших детей литературы, театра, кино? Какого «выхода» на характер и мировоззрение? Можем ли мы этим воздействием управлять, руководить?

«Распутывать» все эти вопросы я начала с простого воспоминания — что дал спектакль Ленинградского ТЮЗа каждому из нас, людям с таким разным жизненным опытом?

Максика, я уверена, он захватил прежде всего сюжетом — острым, насыщенным приключениями, опасностями. Спасется ли

маленький олененок Бэмби от охотников? Найдет ли он свою потерявшуюся Маму? Встретит ли в лесу таинственного, неуловимого и могущественного Вожака? Пятилетнему человечку понятны все эти напряженные ситуации. Они заставляют его сопереживать хорошим героям, ненавидеть плохих. При этом пробуждаются самые разные чувства — радость, жалость, страх, гнев. Все эти эмоции, которые в детском обыденном существовании размыты в длинном-длинном времени суток, а то и месяцев.



Физиологи и психологи сегодня утверждают и доказывают с помощью опытов: нам всем необходимы самые разнообразные ощущения, необходимы эмоции. Уж так создан человек природой и своей социальной историей — он должен постоянно познавать новое, думать, волноваться, развиваться, идти вперед.

Ребенку же, развивающемуся семимильными шагами, эмоциональная нагрузка, какую дает театр,— благо. И от всех волнений Максика, связанных с историей милого олененка, потянулись, наверняка, ниточки новых интересов. Что такое большой лес и какие звери живут в нем? Какие звери дружат между собой, а какие «дерутся» друг с другом? Всякий ли охотник плохой или есть и хорошие охотники? Эти вопросы Максик обрушил на нас еще в зале, еще не сойдя со своего места. Экологическое воспитание, столь важное в наше время сложных отношений человека и природы, можно было начинать тут же, зерна наших усилий падали на почву, подготовленную, «взрыхленную» актерами. И еще один важный разговор — о добре и зле, о доверии и предательстве — тоже завязался тогда сам собой.

Дочерей наших «Бэмби» взял в плен своей лирической нотой

— таков уж их возраст, возраст любви. Спектакль ведь поведал нам всем и о силе, о самоотверженности этого чувства. Олений «гон», весенний бег навстречу судьбе был показан, расшифрован режиссером как тяга непреодолимая, захватывающая, поэтичная и безрассудная. Все это о многом говорило юным сердцам.

Что касается нас, старших в компании, мы были тоже взволнованы. Безотказно действовал сам эстетический уровень спектакля-притчи «Бэмби» — безупречный вкус и режиссерская мудрость, мера, сказывающаяся во всем. Красота, молодость, пластичность актеров сообщали нам подчас больше, чем немудреный текст и давно знакомая фабула. Вот самая первая сцена, смелая и целомудренная одновременно — рождение Бэмби. Встал на тоненькие ножки слабый олененок, незащищенный, хрупкий и храбрый. Встал, чтобы отправиться в жизнь. И потянулись ниточки-ассоциации к немалому уже нашему жизненному опыту, к вечным чувствам и вечным законам существования. Детство, любовь, материнство... Всколыхнулись в нас вроде бы успокоившиеся сферы пережитого и прожитого.

...Да, по-разному, ох как по-разному мы смотрели тот спектакль! Но в одном одинаково: каждого из нас он «встряхнул», сделал активнее, каждому сообщил импульс к действию, к творчеству. Да, к творчеству, разумеется, на доступном уровне. Доступном даже Максику. Ибо развитие, творение себя — тоже самое настоящее и отнюдь нелегкое творческое дело. А разве не творчество воспитание чувств, каким занята юность? А вечная наша — до старости, до смерти — работа по освоению и строительству нравственных законов — разве не творчество?

Искусство и творчество... Так часто эти два слова стоят рядом. И речь ведь при этом идет совсем не обязательно о писателях, художниках, артистах. Но и о тех, для кого они создают свои произведения.

* * *

...То, что испытали мы пятеро на спектакле Ленинградского ТЮЗа, наверное, испытывали в жизни все или почти все.

Одного потряс кинофильм «Вдовы».

Другого однажды настигли давно известные строки стихов, поразили внезапно открывшейся силой чувства:

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор

Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор...

«Ни твой привет, ни твой укор» — это можно повторять вновь и вновь, и в самой музыке слов слышать бурю мыслей и страстей, боль, горечь, высокое страдание.

Третьего захватила музыка Бетховена.

«Катарсис», очищение — термин, существующий в эстетике с давних времен для обозначения того подъема чувств, того особого творческого состояния человеческой души, которое подчас наступает под воздействием произведения искусства.

Для каждого из нас в отдельности катарсис сам по себе является оправданием и объяснением факта существования искусства. Объяснение непосредственное, эмоциональное. Мы ведь и идем в кино или театр, беремся за книгу, слушаем музыку, чтобы испытать волнение, мы на него заранее рассчитываем. И если не взволнует нас произведение искусства, разочарованно отмечаем: не задело.

Но стоит, наверное, оценивая роль искусства в нашей жизни, пойти дальше. Стоит задуматься нам, воспитателям детей, о социальной роли прекрасного — что оно значит для общества в целом? Зачем оно всем нам, вместе взятым?

...Искусство нужно было людям уже в древности — свидетельство тому наскальные рисунки. От них — до Пикассо. От ритуальных танцевальных ритмов тамтамов — до симфоний Прокофьева. От устного фольклора, немудреной народной сказки — до Шекспира, Пушкина, Толстого... Искусство сопровождает человечество во все времена его существования. Заметьте, не человека, а человечество. Каково же общественное предназначение искусства? Какова историческая роль?

Кто-то из читателей, возможно, удивится: зачем все это выяснять в книге, рассчитанной на папу и маму, бабушку, дедушку. Не проще ли обойтись конкретными рекомендациями, как приобщить детей к искусству, как сделать искусство союзником в воспитании младшего поколения?

Нет, любая узость здесь, по-моему, во вред. Без понимания общественной природы прекрасного трудно понять смысл и суть его влияния на индивидуальную человеческую судьбу. Воспитание искусством, как всякое воспитание, имеет конечной целью раскрытие способностей и возможностей человека в обществе. И потому задачу здесь стоит ставить как задачу общественную, с учетом философских, исторических посылок. Это даст нам возможность глубже видеть проблемы эстетического

воспитания в семье. И вместо дидактических указаний, вместо принимаемых на веру «надо» мы сможем получить реальные критерии того, как идет эстетическое воспитание наших детей. Критерии не формальные. Помогающие всматриваться в наши повседневные дела, осмысливать становление младших друзей, оценивать эффективность встречи с прекрасным «на выходе» по тем нравственным и гражданским качествам, которые на наших глазах обретает личность ребенка.

Однако это вовсе не значит, что отныне мы перейдем на язык философских категорий. Выберем путь более простой и оттолкнемся от обычной, житейской ситуации.

1. ЛИШНЕЕ ИЛИ НЕОБХОДИМОЕ?

...Про себя человека, о котором хочу рассказать, называю «спортивным папой». Иногда — «точным папой». Иногда — «папой-шахматистом». Но слово «папа» в моих безобидных прозвищах присутствует неизменно. Ибо Анатолий Владимирович из тех рьяных, молодых еще отцов, которые в большом количестве появились в последнее время и которые в своей заботе о ребенке и что важнее — в умении заботиться о нем — превосходят подчас мам.

Так вот, Анатолий Владимирович для меня неотделим от десятилетнего Славы. Там, где-то в своем вычислительном центре, он, возможно, и существует сам по себе, но у нас во дворе... Ровно в семь утра (не позже и не раньше — можно проверять часы) старший и младший Андреевы появляются во дворе в спортивных костюмах. Бег, зарядка, зимой — растирание по пояс снегом, летом — купание в канале. Вечером — с восьми до девяти — совместная прогулка быстрым шагом. По воскресеньям — дневная прогулка на лыжах или выход на пляж, в зависимости от времени года.

Вот на этом-то, очень близко от нашего дома расположенном пляже мы и познакомились и разговорились.

Анатолий Владимирович и Слава загорали рядом со мной. В перерывах между купаньем они разыгрывали шахматные партии на крохотной доске крохотными фигурками. Одна партия, вторая, третья, и безуспешно пытающийся завоевать победу мальчик «отступил» к реке. Пока он плавал, мы, естественно, говорили о нем. Как учится, чем увлекается...

— Спортом и математикой, конечно.

— Почему же «конечно»?

— Потому что если и можно чем-то увлекаться, то математикой.

Я засмеялась:

— И, конечно, вы сами...

— Да, конечно, я математик.

А после Анатолий Владимирович долго и с удовольствием рассказывал мне о своем деле. Работает он в вычислительном центре, обслуживающем целую отрасль промышленности. Программист.

— Раньше мы получали отдельные задания, а сейчас многие заводы переходят на АСУ, и без нас... без нас ведь управленческий аппарат действовал бы вслепую. Математика — глаза, уши, мозг современного предприятия... Математика может

все...

Разговор снова перешел на Славу.

— С ним ясно,— сказал твердо папа.— Скоро, с девятого класса специальная математическая школа, дальше — постараемся поступить на мехмат университета. К счастью, способности у мальчишки очень неплохие.

— Прямая линия! Но в жизни не все так гладко...— пыталась иронизировать я.

— В жизни — как эту линию «прочертишь»...

Анатолий Владимирович стал мне рассказывать с сожалением, что сам он шел к своему делу не кратчайшим путем.

— И очень многого не успел. Разбрасывался, не ценил времени. Играл на флейте, сочинял музыку, бегал по концертам. А еще влюблялся. Неудачно. И годами (годами!) лечил разбитое сердце. Обзавелся семьей, возился с маленьким Славкой. Словом, оглянулся, спохватился — уже почти тридцать. Обычная беда всех «литературных» мальчиков и девочек. Родители мои — учителя, самоотверженные сельские педагоги из маленького районного городка средней России. Они научили меня ценить дружбу, любовь, профессиональную честность. Вот только время для них не было ценностью. И, увы, я слишком долго не считал часы и минуты.

Диссертацию кандидатскую он успел защитить, но...

Сколько бы мог! Сколько бы мог! Славке он не позволит тратить время на всю эту «беллетристику»...

— Не ходить в театр? Не читать Толстого?

— Ну зачем так, до абсурда? Толстой положен даже по школьной программе. Пушкин. Лермонтов. Шолохов. Кто там еще? А сверх программы Славка сейчас у меня читает курсы лекций по математике для вузов.

— А Майн Рид? А «Спартак»? Мальчишка — и без «Трех мушкетеров»?

— Пока обходится. Конечно, все это приятно — приключения, дуэли. Но... что за этим? Вы знаете, как я смотрю сейчас фильмы (если жена очень просит, иду в кинотеатр — изредка приходится)? Играете, милые? Ну что ж, играйте. Кто хочет, пусть верит вам. Но для меня вы актеры, которые хорошо или плохо делают свою работу, не больше. Не верю, не хочу верить, не буду верить. Не подключаюсь.

— Зачем же так?

— Для экономии душевных и умственных сил. Человек-то один. И если он выкладывается, чтобы раствориться в иллюзии — плачет, смеется, страдает — значит, он не додаст ума и эмоций в реальном, практическом своем, главном деле.

...Я только настроилась на долгий спор, но вернулся Славик. Мокрый, перекупавшийся, замерзший. Еще неосознавший, какая сверхзадача поставлена перед ним его папой, но уже умеющий ценить минуты.

— Я опоздал, да? Пора обедать?

И они, быстро собравшись, ушли с пляжа, от ласкового солнышка.

...О Славе и его «точном папе» я думала теперь не только тогда, когда видела их, делающих зарядку, во дворе. На новый разговор с папой надежды не было (некогда ему, некогда), но спор-диалог я продолжала сама с собой, словно играя в шахматы в одиночку за себя и за Анатолия Владимировича. И аргументы против «прямой линии» в развитии ребенка копила, и Майн Рида защищала с горячностью в этом внутреннем диалоге.

А Славку еще и просто жалела. Мне казалось, что, несмотря на заботу, он уже сейчас обделен чем-то очень важным. И потому однажды стала записывать свои, а главное, чужие мысли по этому поводу и складывать листочки в специально отведенную папку. Думалось — для Славиного папы. Мысли хоть и в некотором беспорядке, вразброс, но... Если и не убедят, то заставят задуматься. Верно?

2. ЛИСТКИ ИЗ ПАПКИ

Ваша позиция, Анатолий Владимирович, не нова. Время от времени на искусство совершаются «нападки».

И всегда с позиции «разума», «разумного» рационализма. Вспомним тургеневского Базарова (за ним стояли реальные люди), вспомним Писарева.

Новый натиск — уже в наше время, век НТР.

Наука сейчас так быстро набирает силу, технический прогресс идет такими шагами, что многим показалось: человек может все узнать с помощью научных методов. С помощью науки он может правильно, разумно организовать свою жизнь, «построить» себя самого и своих детей. Итак, наука и только наука! Остальное лишнее.

Еще на памяти у многих дискуссия в «Комсомольской правде» конца пятидесятых годов. Дискуссия во многом наивная, идущая под девизом «Нужна ли в космосе ветка сирени?», вызвала массовый отклик — показатель тогдашнего умонастроения. И настроение это выразил поэт Слуцкий таким образом:

Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне.

И однако... За двадцать лет, прошедших со времени дискуссии, все осталось на своих местах; стало ясно — по-прежнему искусство важно. Нужно оно и человеку современному. Гуманитарные профессии вновь стали самыми популярными. Забавно, но в новом своем стихотворении все тот же Борис Слуцкий недавно заявил:

Физики, не думайте, что лирики
Просто так сдадутся, без борьбы.
Мы еще как следует не ринулись
До луны — и дальше — до судьбы.

Понимаю, это не аргумент для вас, Анатолий Владимирович, поэтическую логику вы не приемлете. Логика жизни тоже не убедительна. И то, что многие и многие люди снова «качнулись» в искусство и к искусству, можно рассматривать с вашей «точной» позиции как множество частных случаев. Кстати, позиция рационализма никогда и не исключала такой возможности:

многие любят заниматься эмоциональной гимнастикой, мол, бог с ними. Дело личное, дело вкуса. Но для общества эти приверженцы прекрасного, поклонники «иллюзий» бесполезны, потеряны. Настоящее дело за них делают другие. Рационалисты ведь никогда и не отрицали искусства: коли оно существует — оно реальность. Рационалисты отрицают общественную значимость искусства.

* * *

Как же мне не хочется представлять вашего Славку в будущем сухим, скучным человеком, знающим лишь свою математику. Он будет жалеть время, чтобы проводить девушку домой или вообще выберет спутницу жизни без чувства, как выбирают партнера по игре. Как много потеряет... Сами-то вы влюблялись, совершали «безумства». И кто знает, что самое важное в жизни? Наверное, полно, интересно прожитая жизнь стоит не меньше, чем математическая формула, оставленная человечеству на века. Смотрели вы фильм «Жил певчий дрозд»? Он об этом. Человек разбрасывался, делал множество мелких добрых дел. Альтруизм расточителен, и он ничего не оставил после себя, ничего так называемого «значительного». Кроме... Кроме следа в сердцах, добрых ростков. И эти добрые ростки пробиваются к свету, крепнут на наших глазах: люди по-другому говорят, когда вспоминают о человеке, несшем радость окружающим так же часто и естественно, как поет дрозд... Но фильма вы, скорее всего, не смотрели. А если случайно и видели, то не стали над ним размышлять. Иллюзия... Так что и это для вас не аргумент.

* * *

Прочтите, пожалуйста, Анатолий Владимирович, эту цитату. Это Дарвин писал в конце своей жизни, в пору страстного увлечения наукой: «Утрата этих вкусов (речь идет о вкусах к искусству) равносильна утрате счастья и, быть может, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее, на нравственных качествах, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей натуры».

* * *

Дарвин только догадывался об этом, а современная физиология подтверждает: эмоции являются тем источником, который питает ум, развивает остроту мышления. Эмоциональное возбуждение словно захватывает все мозговые центры, активизирует и логическое начало. Так что музыка, скрипка были нужны Эйнштейну и как великому физику. Бойтесь для Славика вялости чувств — это и вялость ума, Анатолий Владимирович.

А разве не понадобится Славику фантазия? Убеждена, в любой даже «строго научной работе» есть «провалы» и даже пропасти, через которые мысль должна сразу перелететь — логические ступеньки отыщутся позже... Человек должен уметь фантазировать. А для этого ему надо в детстве прочесть «Трех мушкетеров». «Раз-два, защищайтесь, господа!» И в руках уже не палка, а самая настоящая шпага, созданная... воображением по канве собственных эмоций (опять эти эмоции!).

Впрочем, об этом обо всем куда лучше говорят сами люди науки. Вот слова Инны Грековой, человека, знающего толк в литературе и, что для вас важнее, в математике (она доктор математических наук, автор популярного учебника, повести свои пишет в «свободное от математики время»): «Умение ставить задачу, безусловно, должно быть отнесено к области искусства, и в этой зоне наука теснейшим образом смыкается с искусством, включает в себя элементы искусства как неотъемлемую часть».

Математик, программист, создающий автоматическую систему управления на большом заводе, должен сразу же качественно, в целом схватывать проблему: почувствовать отношения различных групп работающих — те отношения, которые определяются производством; понять последовательность операции; быстро выявить «узкие места» в организации труда. При этом «всего» знать невозможно, что-то подсказывает интуиция, воображение, прежний опыт в других областях жизни. Создание программы предполагает наличие некоего общего представления о ней, ее «образа». Такой «образ» быстрее и точнее сложится у людей широко образованных, тонких, эмоционально чутких, откликающихся на все веяния своего времени, откуда бы они ни шли — со страниц газет или последнего «громкого» романа, из разговоров, телепередачи или с магнитофонной пленки. Вы и не замечаете, Анатолий Владимирович, как помогает вам ваша «беспутная» молодость. Именно искусство создало в вашем мыслительном аппарате многие из тех способностей, которые делают вас отличным математиком.

Эйнштейн говорил о Достоевском, что он дает ему больше, чем любой мыслитель, больше, чем математик и физик Гаусс. И все потому, что писатель ставит своих героев в острейшие, пограничные ситуации, помогает преодолевать психологический барьер очевидного, понятного, обыденного.

* * *

Интересная статья напечатана под рубрикой «Размышления» во втором номере журнала «Химия и жизнь» за 1978 год. Называется она «Наука и человек». Автор статьи сотрудник Всесоюзного института научной и технической информации Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике АН СССР Ю. А. Шрейдер обращает наше внимание на то, что самые фундаментальные понятия самых что ни на есть «научных» (т. е. наиболее формализованных) наук как раз хуже всего поддаются точному определению. Чаще всего это аксиомы, постигающиеся интуитивно. И «...математики знают, что в самих основаниях их науки скрыты серьезные логические трудности. Суть их, если говорить коротко, в том, что построение основ оказалось невозможным без того, что, казалось бы, навсегда преодолено математикой: без человеческой интуиции...»

Обратив внимание на то, что многие исходные понятия добывались человечеством с помощью интуиции, воображения (т. е. методами искусства), автор настаивает на гуманизации науки. Утверждает, что и сегодня тоже цели научных изысканий, методы их часто подсказаны бывают субъективными человеческими качествами и общественными ценностями. И сегодня ученый работает тем успешнее, чем точнее он чувствует парадоксы, противоречия бытия и познания, чем тоньше ощущает пульс своего времени, чем больше «токов» мыслей и чувств (!) проходит через его ум и душу.

Трудно переоценить эвристическую (поисковую) роль искусства: оно побуждает к творчеству, оно вторгается в творческий процесс и помогает ему. И в этом своем предназначении искусство несомненно выполняет общественно важную, социальную функцию.

Стараясь направить Славку как можно более узко, не ошибетесь ли вы, Анатолий Владимирович? Ранняя «специализация» ребенка, ранняя ориентация «только на математику» тем и опасна, что создает человека ограниченного, не способного к подлинному творчеству. Математический

аппарат он, конечно, освоит прекрасно, но все операции все равно быстрее совершает сегодня машина. От человека мы ждем другого — полета мысли, воображения и страстного, пылкого ума.

Искусство открывает новые возможности профессионального совершенствования не только в математике. Разве археологу, скажем, не понадобится образное мышление, чтобы по «черепу» воссоздать эпоху, утерянные связи прошлого, канувшего в Лету? Трудно себе представить историка, не знающего литературу. Ведь если орудия труда, предметы быта отражают тип материального существования, то произведения искусства наиболее полно выражают строй духовной жизни, а через это — и социальное устройство общества. Все мы знаем такие определения: «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни», творчество Льва Толстого — «зеркало русской революции». И это — глубокие истины.

* * *

Общеизвестно: ребенок, который много читает, интересуется театром и кино, много знает, легко и успешно учится. Грамотен. Обладает хорошей памятью, накапливает много сведений об окружающем мире, жизни людей разных эпох и при случае оперирует всей этой информацией.

Не будем отрицать и менее серьезных, но «приятных» функций прекрасного. Отдых, развлечение. После очередного штурма математической задачи так хорошо расслабиться. В какой-то миг мы идем в консерваторию а в какой-то ситуации спешим в оперетту...

* * *

Я привожу все эти аргументы в пользу «иллюзий», в пользу «лишнего», Анатолий Владимирович, для вас — отца «будущего математика». Стараюсь размышлять в системе ваших понятий, не выходить за ее пределы.

Но есть у искусства и другие задачи, необыкновенно важные для всякого отца. Просто отца. Просто воспитателя.

Об этом стоит поговорить особо.

Речь идет о нравственной и гражданской функциях искусства.

Но, пожалуй, это уже и не функции — это суть подлинно прекрасного, его смысл, его цель...

ГЛАВА ВТОРАЯ
РАЗМИНУЛИСЬ…

Я так и не отдала Анатолию Владимировичу папку с вырезками, цитатами и собственными заметками. И не только потому, что не было случая это сделать. Просто начав размышлять над проблемой искусство — родители — дети, решила вынести на более широкое обсуждение листки из папки. И не только их.

Ведь перекос в сторону сухого, последовательного рационализма не столь уж типичен, а главное, не он один ведет к родительским ошибкам.

Роль искусства в воспитании ребенка преуменьшается сегодня редко. Гораздо чаще родители стремятся приобщить детей к прекрасному. Стараются истово. Не препятствуют встрече ребенка с книгой, кинофильмом, театральным спектаклем. И надеются, вполне законно, сделать с помощью искусства свое чадо умнее, добрее, словом, лучше. Но не всегда им это удается.

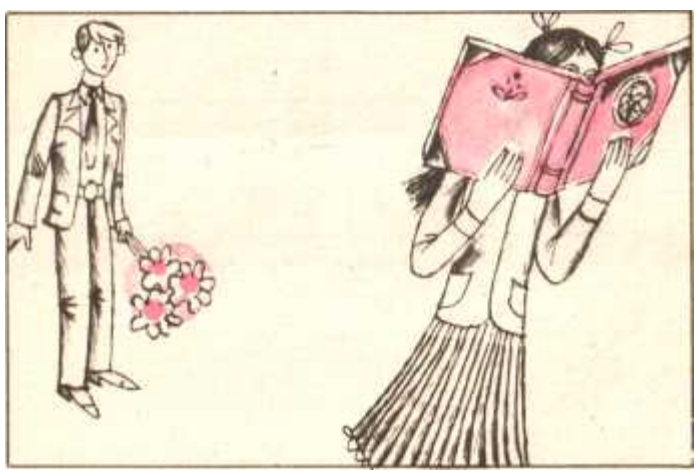
...А память услужливо извлекает «материал». Я вспоминаю свою жизнь, знакомых мне ребят, пытаюсь анализировать их отношения с прекрасным...

1. САШКА-ЭПИКУРЕЕЦ

Мы были соседями. И потому я неплохо знаю его родителей. Александра Федоровна — корректор издательства, женщина мягкая, интеллигентная, чуткая, с хорошим художественным вкусом. Николай Тихонович — станочник высокого класса, из очень семейных мужей и отцов. На работе активист, председатель цехкома. Дома он все время что-то мастерит, усовершенствует. Любит почитать перед сном, любит посмотреть телепередачи. В кино, театр, консерваторию он, истинный домосед, выбирается с трудом. И Александра Федоровна часто повторяет: «Вот вырастет Саша, походим с ним».

В своей семье Саша, словно кукушонок, не похож ни на кого. Мать и отец маленькие, хлопотливые, как ласточки. Он же большой, медлительный и чаще всего совсем неподвижный.

Больше всего в последнее время он любит лежать на диване. Диван ему чуть короток, боковинка его чуть жестковата. И потому Сашка затрачивает некоторое усилие, чтобы устроиться поудобнее. Раз — длинной рукой он подтягивает стул от стола к дивану и переносит на него ноги. Теперь его расслабленное тело лежит уже не совсем вдоль дивана, а как бы углом к нему. Два — еще одно очень рациональное движение головой, и он уже приятнейшим образом полулежит — полусидит поперек дивана, чуть подпираемый мягкой его спинкой.



— Мама, дай книгу!— кричит он.

Мама, с трудом выбрав секунду, когда оладьи на двух сковородках могут посидеть, кидается к Сашке из кухни.

— Нет не эту. Вот, рядом. «Зарубежный детектив», где повести гедеэровских авторов. Спасибо, мамуля!

Саша ласков, и мама буквально тает, она любит его и справиться с собственной любовью не в силах, даже не пытается. К тому же сегодня воскресенье — традиционный день, когда она балует «малыша». Да, он, конечно, вырос. Но она-то знает, что «сам по себе» он еще мал, еще глуп. И вчера вечером, после трудной недели он был таким бледным. Она приносит в тарелке оладьи, ставит их рядом с диваном:

— Маленький французский завтрак — кофе в кровать,— ласково шутит и спешит на кухню, бросив по дороге Сашке бумажные салфетки: «Не пачкай книгу».

Сашка длинной рукой цепляет оладьи одну за другой и не спеша отправляет в рот. Читает. Блаженствует.

Часы бьют одиннадцать.

— Мама, «Утренняя почта», включи, пожалуйста!— нежным басом просит Сашка.

Мама включает телевизор. Сашка ест оладьи, читает детектив, слушает Аллу Пугачеву. Вот это и есть «кайф»...

Если бы... Если бы одна мысль не отравляла Сашке жизнь. Вот-вот придет с воскресника отец — у него на заводе сегодня уборка территории. Это недолго и, значит, все скоро кончится. Отец всегда находит ему, Сашке, бессмысленные дела: «Сходи в магазин за хлебом», «Давай вынесем на снег и почистим ковер», «Прибей полочку в коридоре». Лучше встретить отца в «форме», и Сашка медленно, лениво сползает с дивана — удовольствие все равно не полное...

Но в будние дни, когда вся вторая, послешкольная половина дня в его, Сашкином, распоряжении, он отдает ее наслаждению. Книга, конфета, телек — жаль только передачи в эту пору скучные, детские или учебные. Всякие там «Учение с увлечением», «Русский язык» — словом то, о чем бы он с удовольствием забыл на время.

Вечером при отце и матери Сашка пытается повторять математику — скоро выпускные экзамены, и он демонстративно старается. Но ему невыносимо, просто невыносимо скучно. И непонятно. Раньше он так быстро все схватывал, а теперь...

— Что за учебник,— ворчит он,— нудный какой-то, нудный.

Отец — насмешник:

— Да,— говорит он,— то ли дело детектив. Не ты мыслишь, а он сам тебя ведет, словно за руку. Сначала шпион предполагает, после собака-сыщик, овчарка, подтверждает. Все просто. Пушкина-то еще можешь читать? Или тоже трудно?

Пушкина-то Сашка может. Его он любит. У Сашки вообще

вкус к поэзии:

Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой...

Все это ласкает и слух, и глаз, и даже какими-то неведомыми путями, кажется, и вкус тоже. В ответ на папины нападки Сашка читает целые главы «Евгения Онегина», куски из «Медного всадника» наизусть — память у Сашки великолепная, и то, что ему понравилось, запоминается сходу. Саша добился своего: мама смотрит на папу с выражением: «Вот видишь, а ты говорил. Да наш Саша...»

Но Саша не говорит маме, что Салтыкова-Щедрина ему читать трудно. Все эти мужики и генералы, «органчики» и глуповцы, которых надо связывать с исторической обстановкой, требуют напряжения мысли. Да и Чернышевский, ну что это Вере Павловне понадобилось видеть так много снов, столь далеких от простой и понятной жизни?

И Саша в глубине души понимает, что отец прав, говоря о нем: «Он разучился делать умственные усилия».

После этой фразы отец обычно распаляется:

— Лень ума — самое страшное. Эти тройки в школе, не требующие никакого труда... Представляешь, я начинаю относиться к своей работе спустя рукава. Мне, скажем, не хочется разбираться в чертежах, и я прочитываю их кое-как, начинаю гнать детали приблизительно, запарываю их только потому, что копаться было лень. А уж то, что не касается меня близко, мне вообще до лампочки. Что произойдет? Техника на заводе не обновляется, а мне, скажем, все равно. Кто я? Да просто безнравственный, равнодушный человек. Лень мысли — прямая тропка к безнравственности, поверь мне.

Мама смеется:

— Ты усложняешь. Он добрый? Добрый. Что еще надо? Книги читает? Читает. И много. Значит, не дурак,— и она гладит Сашу по жестким волосам.

Папа снова нападает:

— Да он читает как не читает. Смотрит как не смотрит. Что он видит-то? Недавно по телевидению смотрели с ним фильм «Когда деревья были большими». Драма. Об одиноком, опустившемся человеке, который хочет подняться, а обстоятельства не пускают. О том, что мало еще порой в жизни любви, доверия, ласки, добра, и о том же избытке их в каждом из нас. И как, как Никулин играл! И что ты думаешь, наш сынок это понял? Нет, он смотрел это все между делом. Что-то жевал,

уходил на кухню, приходил. Поверь мне, сердце у него уже покрылось жирком.

Мама отвечает, что телевизор многие смотрят потребительски. Уж так сложилось. И обещает:

— Вот скоро мы с Санечкой пойдем в театр, на «Брата Алешу». Достоевский на Бронной. Вот и посмотрим, останется ли он равнодушным.

Они идут в театр. Уже в первом действии Сашка чувствует: накал страстей слишком силен для него. Так силен, что вызывает желание защититься. Страдает отец Илюши от унижения, страдает сам Илюша. Илюша умирает. Цепь этих страданий развивается, усложняется, все это мало похоже на обычное существование, ритм эмоций нагнетается...

Мама плачет. Саше стыдно, но больше всего на свете ему хочется вытянуть ноги, а еще уйти из зала, где так много и на таком накале страдают. Ему неловко за маму — она всхлипывает громко, справа тоже кто-то шуршит носовым платком.

Вдруг папа прав? Вдруг он и впрямь бесчувственное существо? Саша пытается «включиться» в спектакль, но ему это не удается.

После спектакля он не смотрит маме в глаза.

Она понимает — не понравилось, чувствует какую-то заминку, видит стремление Сашки сесть в ближайший троллейбус и очутиться в уюте, в спокойном тепле.

— Ему бы и впрямь искусство с доставкой на дом,— вздыхает она дома.— И посыпанное сахаром. Но спектакль — не кусок торта.

Саша слышит ночью, как на кухне мать и отец говорят о нем.

— Вот пройдет год-другой и он «проснется»,— отца и себя самою убеждает мама.— Влюбится, появится у него девочка...

— А вдруг не проснется?— горько спрашивает отец.— Вдруг мы что-то упустили совсем? Это очень серьезно.

— Спать,— думает Саша.— Завтра рано вставать.

Саша сладко спит, а родители на кухне долго и взволнованно обсуждают, что же случилось...

— Знаешь, по-моему ты виновата,— грустно говорит отец.— Не хорошо в этой ситуации винить другого, но сколько же раз я тебя просил: меньше прыгай вокруг него. «Сашенька, ты поел?», «Сашенька, почему у тебя грязный носовой платок?» Голодный бы он не ходил и платок бы сменил сам. И других понимал бы при этом лучше, о других думал бы. Спектакль тронул бы его...

Александра Федоровна смотрела на него укоризненно:

— Вот тебе раз, Коленька, с больной головы на здоровую. В чем-то ты прав, я клуша, курица, но... Уж так складывается, друг

мой, что женщина берет на себя в доме много бытовых дел. Мелких и крупных. Больше, чем мужчина. О Сашкиной душе должен был заботиться и ты тоже.

— Душа-душой, но просто крутиться ему надо больше. Ведро с мусором его вынести не заставишь. Еще меня слушает, а тебя? В человеке все связано. И эта физическая неподвижность, по-моему, прямо влечет за собой другую, ту, что нас беспокоит.

Они замолкли.

«Да, муж был во многом прав. Начнись все с начала, она бы и впрямь отвела бы Сашке побольше обязанностей. Еще в том далеком теперь возрасте, когда он охотно брался и за веник, и за чистку обуви. Но тому маленькому, пятилетнему, шестилетнему, она говорила: «Ты иди, ты играй, я сама сделаю». Глупая привычка все брать на себя. И еще то, что Саша — единственный. Будь у нее двое, трое, все распределилось бы само собой. А то эта вечная сосредоточенность на одном, эта безудержная нежность, желание, чтобы было ему легче, лучше... Как тесно все связано в жизни, как целостен человек! Одна ошибка влечет за собой другую. Лодырь и впрямь во всем лодырь. И все-таки... Ведь ее сейчас больше всего беспокоит лень в сфере духовной, внутренней. Остальное он доберет при желании, жизнь заставит его стать и более деловитым, заставит «крутиться». А вот научится ли он сильно чувствовать, страстно мыслить? Во имя этого она и приобщала его к искусству. Водила в кино, в театр с малых лет, ходила с ним в музей, приносила в дом стопки книг для него. Лет до двенадцати — тринадцати все шло нормально, пока не наступил этот самый «трудный» переходный возраст. Мальчик вдруг стал с настороженностью смотреть на ее «восторги», на все эти «ну, нравится тебе, нравится?» Как легко было ей вести с ним разговоры по поводу Винни-Пуха и крокодила Гены и как трудно говорить о Печорине, Карениной. Близость вдруг нарушилась, и она почувствовала, что ее Сашке нужен другой собеседник: более логичный, более строгий в выражении чувств, берущий мальчика жизненным опытом, поданным «без нажима». Словом, мужчина...

А отец... Он, пытаясь восполнить ее нетребовательность, то и дело «цепляется» к Саше по мелочам, не заботясь о внутреннем с ним контакте. Заставить вымыть пол через силу, через внутреннее сопротивление может, а подружиться, сблизиться с мальчиком — нет.

...Александра Федоровна вспомнила, как долго она переживала скандал, возникший в доме из-за... музыки. Да, из-за так называемой «Сашкиной музыки» или еще в одном варианте — «их» музыки. «Их» — это значит Саши и его подросших

одноклассников. Когда это было-то? В начале нынешнего, восьмого класса. Именно тогда Саша принес домой маленький кассетный магнитофон:

— Юра дал до понедельника.

Два дня Саша не выключал музыку.

— Вот АББА, а вот «Бони М»,— суетился он, прося внимания.

Отец морщился. А после воскресенья, после того как Саша отказался тотчас же сходить за хлебом (обычное — «чуть позже», хотя хлеба в доме нет), Николай Тихонович просто взял «бандуру» и отнес ее через дорогу Юре.

И это бы ничего. Само по себе наказание за лень не оскорбило бы Сашу так, как то, что при этом говорилось. И музыка, мол, «нестоящая», «трень-брень», и названия ансамблей «нечеловеческие», и «волосатики» на супере «отвратительные».

Она тогда пыталась остановить мужа:

— Прислушайся, вот эта песня ничего, мелодичная. Поначалу любая музыка — шум, попытайся вслушаться, привыкнуть.

И хотя ей самой все это не больно нравилось, старалась понять, чувствовала, что Сашу эта музыка волнует, забирает в плен. Она даже подумала о магнитофоне — не купить ли? Но муж разозлился безудержно и яростно.

— Будь моя воля, я бы это все запретил раз и навсегда.

Саша тогда вроде бы легко пережил конфликт, о маге больше не заикался, но холодок отчуждения между ним и отцом Александра Федоровна почувствовала.

После она искала каких-то доводов в пользу ансамблей и Саши.

— Подумай,— говорит она Николаю Тихоновичу,— не является ли любовь к этой «бездумной» музыке естественной реакцией молодости на все умственные и нервные перегрузки, ведь дети наши живут напряженнее в этом отношении, чем жили мы. Школа ставит перед ними задачи очень серьезные, мощный поток информации. Нашего Сашку мы лишаем возможности «просто жить», просто наслаждаться погодой, движением, как делали в детстве и юности сами. Мы ему внушаем — спеши, спеши узнать, прочесть, изучить. Увы, он этому сопротивляется, но это висит над ним, что ни говори. А музыка скорее всего возвращает ребят к первичной радости бытия. Пусть же она у них будет.

Во-вторых... Во-вторых, посмотри эту книгу. Социологи не зря отмечают существование подростковой, юношеской «субкультуры», определенных эстетических ценностей, которые «не доступны» взрослым. Среди этих ценностей и та музыка, которая так не нравится нам. Но должно же у ребят быть что-то

свое, свой мир, делающий их значимыми в собственных глазах. Они не научились еще общаться с нами, даже друг с другом поговорить о чем-то серьезном, своем и то пока не умеют. Включили магнитофон и объединились — это они понимают, это их роднит, объединяет.

И в-третьих. В музыке, как и в других видах искусства, время от времени происходит довольно резкая смена стиля. Привлекаются новые выразительные средства. И наша беда, если мы не можем угнаться за временем...

Муж усмехнулся: мудришь, мол, Александра Федоровна. И однажды он снова демонстративно «вырубил» приемник, включенный Сашей. Она разозлилась, отчитала Николая Тихоновича на кухне.

— Это не воспитание. Так ты его вообще отпугнешь от себя. Он мальчик, ты мужчина. Вы должны понимать друг друга, быть родными. Ты бы в кино с ним пошел.

Помнится, недели через две Николай Тихонович принес два билета на семичасовой сеанс. Ну вот, сообщил он, пойдем с Сашей. Фильм Николай Тихонович выбрал хороший «Розыгрыш». О старшеклассниках.

Но вернулись оба не в духе. Сашка что-то наскоро пожевал на кухне и ушел к себе в комнату: «Хочу спать», а муж лишь на другой день рассказал: «Вышли мы. Спрашиваю: «Ну, как?» А он мне: «Что как-то?» «Как то есть что? Ну, фильм,— разъясняю,— понравился либо нет?» Поморщился, пожал плечами неопределенно и даже с дерзким таким оттенком — отстань, мол. Зачем же я ему при этом нужен? И что у них молодых за манера — не говорить со старшими откровенно? Настаиваю. Нет, ты скажи, как относишься? Может быть, тебе этот тип понравился, который учительницу обманул? Ему, кстати, все твои ансамбли тоже по душе. И вдруг в ответ: «Ну хотя бы и так. Хотя бы и понравился. Запретишь, что ли?»

Муж был обижен и еще смущен, как бывает смущен тот, кто неожиданно терпит поражение там, где рассчитывал на твердую, без помех победу.

Александра Федоровна только вздохнула:

— Ох, все ты не так, Коля...

Подумал-подумал и согласился:

— А вообще, ты права: не так.

Думая об этом неудавшемся выходе сына и мужа в кино, Александра Федоровна все больше склонялась к мысли, что Сашку фильм пронял, взволновал, и он не хотел показать, насколько сильно он его задел. Почему не захотел?

Подростковый возраст чаще называют возрастом

неоткровенности. Ребята почему-то ведут себя, как говорится, наоборот, скрывают свои чувства. То есть не «почему-то», а оттого, что не научились еще взрослому спокойному общению, не всегда просто умеют выразить свои чувства, да и сами в них не могут разобраться, ведь чувства эти остры, ярки, сильны. С друзьями-одногодками после фильма Сашка, возможно, и говорил бы об увиденном, а с родителями — нет. Дома он принял в последний год позу взрослости, независимости, неуязвимости — этакий «супермен», неподвластный «детским» (как ему кажется) чувствам жалости, нежности, взволнованной растроганности. И вдруг очутиться перед отцом беззащитным и безоружным после фильма. После «какого-то» фильма! Выдать свою переполненность мыслями, эмоциями. Нет! Лучше «закрыться», нагрубить, сделать вид, что он непробиваем.

Весь этот психологический рисунок основывался на ее собственных предположениях и воспоминаниях. Когда-то давно и она вела себя примерно также, как сын: чем больше нравился фильм, тем старательнее скрывала от мамы. Ведь признаться в том, что фильм ошеломил,— значит сейчас, сию минуту пустить маму в мир собственных переживаний. А она по натуре не была открытой и к подобным переживаниям ее надо было очень старательно готовить. К тому же, думала Александра Федоровна, в вопросе мужа наверняка были требовательные нотки — ответь, мол, и все. Сейчас же, сию минуту ответь. И назидательности в его интонации хоть отбавляй. Искусство же — вольное поле общения, оно касается таких глубин человеческой психики, таких тонких сторон человеческой натуры, что любое насилие здесь неуместно, вредно. Только доверие, предполагаемое заранее равенство беседующих...

И еще одного, может быть, муж не учел. Чтобы переварить увиденное, услышанное, прочитанное, всегда нужно время. Она лично тоже не любит вопросов «ну, как?» сразу после спектакля, фильма. «Не знаю,— отвечала. Сейчас я просто взволнована, просто в раздумьях. Завтра утром узнаю, увижу, почувствую, что осталось во мне». А мальчик, скорее всего, был взволнован, возможно, в смятении чувств. Помолчать с ним рядом, дождаться его первых слов, все тех же «ну, как?». Уверена и ему захотелось бы произнести их.

Кстати, это, может быть, самое важное — помочь подростку разговориться о том, что видел или читал. Для этого и мужу и ей не хватает умения слушать. Муж слишком категоричен, она слишком любит говорить об искусстве сама. Подумать только: у нее ни разу не возникло желания узнать не только мнение Саши, но его трактовку того или иного произведения литературы,

спектакля, фильма. Всегда объясняла ему, что к чему, и не заметила, как сын стал взрослым. А если бы он знал, что и его суждения ждут, что и его мысль может открыть родителям интересное, новое... Сам по себе этот факт дает активную установку, установку на работу души и ума. Как она не заметила, что Саше давно не подходит роль слушателя «снизу вверх»? Что она его тяготит, раздражает, делает инертным.

А разве ему нечего сказать им, родителям? В былые времена он высказывался довольно охотно и подчас интересно. Вот бы и подчеркнуть это тогда, вот и не побояться преувеличить значение того, что он говорил. Поверил бы в себя, в уникальность, неповторимость и необходимость своих суждений — так важно осознавать себя личностью! Да, плохо, что они с мужем не сумели своевременно включить мальчика в общесемейный процесс осмысления жизни и искусства (тоже жизнь в конечном итоге). Сами решали все хозяйственные вопросы, сами переживали за героев Валентина Распутина и Виктора Астафьева, а он оказался в стороне, их мальчик, такой любимый и такой... одинокий в своей пустыне отрочества. Как быстро закрепляется дурацкая роль «бесчувственного», ей показалось, что она становится второй натурой. Закрытость, замкнутость, это мальчишеское «зачем говорить?» того и гляди обернется тревожным, обидным «нечего сказать».

Ведь в театр на Бронную они с Сашей пошли словно бы для того, чтобы она могла понять, как много упущено, как трудно будет «расшевелить» любимого сына, вернуть ему обостренную чуткость восприятия и жизни и искусства, которая отличала его совсем недавно.

И, подслушав ее мысли, продолжил муж:

— Как быстро дети меняются. И не успеешь заметить порой перемены — после скажется...

* * *

Так или примерно так мог проходить разговор — тревогами своими и наблюдениями Сашины родители делились и со мной.

...Вторую проблему для размышлений мне подсказывает собственное мое детство.

2. ЗИГЗУГА

Я часто думаю о ней. Часто вспоминаю. И всегда с горечью и болью. Затеяв книжку о роли искусства в жизни растущего человека, я не могла пройти мимо Клариссы — в ее-то жизни искусство всегда было на первом месте. Только особо хорошего из этого не вышло...

...Я знаю ее давно, еще со школы. И всегда она была неистребимо нелепа. Вся, начиная с имени. Существует ли такое имя «Кларисса» и есть ли еще на свете Клариссы, кроме нашей?

И скорее всего даже в имени своем она была единственна и неповторима. И отчество у нее было Семеновна. Кларисса Семеновна. Когда наша классная руководительница заполняла журнал или иные документы, мы все ждали этого словосочетания, чтобы покатиться со смеху.

Некрасива ли она была? Красива? Не знаю. Прекрасные серые глаза — лучистые, умные выделяли ее из многих, но вечно приоткрытые губы сильно портили. И общее выражение лица было чаще всего отсутствующим. Высокая, стройная, но ходила странной, «ныряющей» походкой. И одевалась она дурно. Если бы просто немодно или небрежно! Мы все были не от Диора! Но весной она могла нацепить на себя белую панамку, которую никто не носит со времен наших бабушек. И эти белые носочки — где только она их покупала?— при первых теплых приветах весеннего солнца...

Вы замечаете, рассказывая о Клариссе, я все время употребляю это самое «но», означающее изгиб мысли, ее зигзаги. Так вот этот зигзаг существовал и в ней самой — зигзаг странный, в ту пору для нас необъяснимый. Но все мы чувствовали какой-то перекос в развитии Клариссы, девочки и хлесткие на язык наши мальчишки прозвали ее Зигзугой.

Сколько я помню, Кларисса всегда читала. Все перемены, да и почти все уроки напролет. Учитель отнимал у нее одну книгу, она тут же вынимала из портфеля другую. Ее выгоняли из класса, она шла охотно, и за дверью, присев на окно, доставала из кармана фартука тоненькую книжонку без переплета. На наших собраниях — подчас очень бурных пионерских и комсомольских сборищах — она забивалась на последнюю парту и отключалась. Поднимала глаза лишь в том случае, если мы кричали «Кларисса!» прямо над ее ухом. Мы все махнули на нее рукой и не тревожили, что с ней поделать? Ребята в конце концов перестали ее дразнить, не бросали в нее портфелями, не толкали, поняв, что нормальной человеческой реакции от этой заторможенной книгочтицы не

дождешься.

Читала она все подряд — Тургенева и Диккенса, Аксакова и Грина. Единственно, что она не любила,— это читать «о нас». Мы все тогда зачитывались Фраерманом, его «Дикой собакой Динго». Она на очереди не стояла. «Это о нас? О жизни обычной?— скучно спрашивала она и неспеша клала книгу на парту.— Нет, я читать не буду, я что-нибудь... такое». И делала неопределенный жест около головы, который все мы многозначительно передразнивали. Наши «Пионерская правда» и «Комсомолка» ее тоже не волновали. Газет она в руки не брала.

Училась Зигзуга очень неважно. Математика подводила. Списывать она не умела, не хватало ей для этого быстроты реакции.

Но настораживала нас в ней даже не учеба — были в классе и те, что учились еще хуже. С годами оторванность Клариссы от реальности становилась все сильнее, все нагляднее. Если бы это выражалось только в рассеянности, которая становилась фантастической! Нет, у Клариссы появилась прямо-таки одаренность говорить и делать все невпопад.

В девятом или восьмом классе Клариссу назначили пионервожатой в четвертый класс. Как сейчас помню эту картину в коридоре. Растерянная, сияющая близорукими глазами, она оглядывала по очереди своих многочисленных питомцев, прильнувших к ней на перемене.

— О чем рассказывать вам? О чем? Не слышу...

Какая-то организованная девочка с нашивками на рукаве (активистка) пыталась призвать своих подруг к порядку: «По очереди, по очереди говорите»,— попросила она. Кларисса же стояла, беспомощно опустив руки, сникнув.

— Хотите, почитаем Пушкина?

— Мы читали, мы читали,— неслось в ответ.— В цирк, на экскурсию, на конфетную фабрику хотим!— кричали четвероклассники наперебой.

В тот же день Кларисса подошла ко мне (я отвечала тогда за шефство над младшими).

— Я не могу, я не умею...

— Да что же здесь уметь?

— Не знаю что, только не умею. Я даже плана составить не могу. И с ними надо идти на улицу, а там... машины.

Вожатой ее больше не назначали.

— Общественная работа и Кларисса — две вещи несовместимые,— сострила на заседании комсомольского бюро язвительная Аля Мытищева.

К сожалению, так оно и было.

...В ту пору перед всеми нами стояло немало проблем. Проблем общечеловеческих и чисто девичьих. Это было время так называемых «дружб» — так в наше время обозначали мы первые рукопожатия и первые поцелуи, первые признания в любви. Трудно найти тон новых отношений, но все мы пускались в эти поиски, как в дальние плавания. Летом бегали на танцы в парк, и если даже не танцевали, то смотрели на танцующих. Дипломатически напрашивались на вечера в другие школы и даже институты — туда, где учились чьи-то «объекты». Собирались компаниями в праздники. Радовались и плакали, страдали и торжествовали.

Лишь Кларисса уходила от нас все дальше — в книги. Ее не коснулись все наши девчоночьи страсти. Так и вижу ее: одна, чуть сутулясь, с книгой в руке она переходит дорогу, даже не оглянувшись вокруг,— она выучилась читать на ходу, с опасностью для жизни! Зеленое пальтишко перекинуто через плечо, мелькают дурацкие белые носочки...

Самое интересное, что первый серьезный поклонник появился у нее, у Клариссы. Студент пединститута, его пригласили на школьный вечер, кому-то он был мил и все старались понравиться, а после он пришел к нам за чем-то сразу после уроков. Высокий, красивый парень. Он увидел, как Зигзуга переходит дорогу, испугался за нее, кинулся вслед, чтобы заставить ее поторопиться,— по дороге во всю мочь мчался автобус. Он схватил ее за руку довольно грубо, но она подняла на него свои серые глаза и сказала:

— Спасибо, я вижу...

— И все-таки... Можно мне вас проводить?

— Нет, я сама.— И Кларисса ушла быстро-быстро.

Студент приходил теперь каждый день. Он ждал ее, но она пряталась, сидела допоздна в классе. Самое удивительное: он нравился ей. Когда кто-то кивал на окно «вон твой пришел», Зигзуга заливалась краской, видно было, как у нее перехватывает дыхание.

Однажды я, задержавшись почему-то в школе, нашла в классе одинокую Клариссу, пережидавшую своего кавалера.

— Почему ты не выйдешь? Почему не походишь с ним, не поговоришь?

И вдруг Зигзуга заплакала. Она рыдала, упав на парту.

— Я... Я не умею, не знаю, о чем говорить... Я... боюсь...

Через несколько лет она повторила мне: да, боялась. В голове жили какие-то странные, книжные представления о любви, о словах, которые должны в этой ситуации произноситься. Здесь же... Здесь она спотыкалась обо все: о его речь со смешными

украинизмами, о его желание взять за руку и обнять ее, о запах его тулупчика. Когда его не было, Клариссу тянуло к нему. Но как только она видела студента, панически пугалась: все не так, все не знакомо, все из другого измерения — не из того, в каком она привыкла жить.

Зигзуга поступила в университет на исторический. И не просто на исторический, а на самое популярное искусствоведческое отделение. Не зря она столько читала. Но (опять «но») учиться не смогла. Тянулись за ней хвостами несданные зачеты, недоразумения с преподавателями (рассказывают, что она, договариваясь с ними о встрече, приходила сдавать экзамены в другую аудиторию). Многие из ее соучеников подозревали, что беседовать с педагогами она панически боялась, письменные работы обычно сдавала сходу и неплохо. Появились у нее странные вспышки агрессивности — могла на собраниях группы доказывать, что белое — черное, а черное — белое, обзывала всех предателями. А после вдруг неожиданно перестала ходить в университет.

Поступила работать в библиотеку — сначала в известную, центральную, а после перевелась в маленькую на окраине города. Там я увидела ее совсем случайно: судьба забросила меня в этот район по рабочим моим делам, и, дожидаясь кого-то, я зашла в библиотеку полистать газеты.

Кларисса, располневшая и постаревшая, безрадостно выносила книги читателям за стойку. Никому ничего не советовала, никем не интересовалась. Она была похожа на плохую продавщицу: «берите и быстрей»... Улучив минутку, прислонялась к ближайшей полке и погружалась... в чтение. Прежняя Зигзуга.

Я окликнула ее. Кларисса отчаянно смутилась. Она явно тяготилась мною. На мои вопросы, интересно ли ей в библиотеке, что она думает об открытом доступе к книгам, как справляется с новой информацией — приходится ли перестраивать каталог?— Кларисса отвечала что-то невнятное. Да, когда она работала в одной из центральных библиотек, все эти проблемы вставали. А здесь... Слава богу, нет. Библиотека небольшая, тихая. Читателей немного, и она справляется.

— Я все и так помню, на глаз. И не люблю я все эти технические новшества.

Словом, работала она явно по старинке. И, честно говоря, не самым лучшим образом.

Кларисса ехала на обед, я вызвалась проводить ее и таким образом напросилась на приглашение.

Они жили с мамой. И только увидев ее мать, бывшую актрису

одного из танцевальных ансамблей, я поняла, что произошло.

— Милочка, сейчас я только что слушала вальс-фантазию Глинки. Это... Это... Когда вся душа плывет куда-то... Я даже танцевала. Если бы у меня были здоровыми ноги!

Свой мир, смещенный, странный.

— Мамочка, у нас гости,— откликнулась из коридора Кларисса.

— Гости? Чужие? Какая радость! Проходите, пожалуйста. У нас век не было гостей. Вы любите Глинку? А балет? Вы знаете, я...

Сыпались «накаленные» глаголы: «умираю», «обожаю».

И дальше сморщенная, худая, ярко накрашенная женщина полчаса рассказывала мне, какие таланты погибли в ней, «танцовщице типа великой Айседоры Дункан», какой искусствовед «дремлет» в Клариссе.

— И вообще, жить стоит только для искусства и только искусством, вы согласны? Этот мир так скучен... хочется погрузиться...

Кларисса несла ей тарелку с супом. И глаза у нее были уже не прежние, лучистые, а усталые и скучающие.

— Вот так и жизнь прошла,— неожиданно сказала она мне на улице.— Герои и шпаги. Романы и повести. Ни мужа, ни ребенка, ни любимой работы. Ко всему этому я оказалась совсем не готова.

...Я не люблю прагматиков. Мечтатели, даже такие неудачные, как Зигзуга, мне куда милее. Я стала изредка заходить в тесную, заваленную книгами и безделушками квартиру. Кларисса была по-прежнему не слишком разговорчивой, и куда чаще, чем с ней, мне приходилось вести бесконечные беседы с матерью. Из бессмысленной вязи слов постепенно все-таки вставала последовательность событий.

Кларисса — девочка. Отец — «простой бухгалтер», мать — актриса. Этот оттенок «простой» наверняка окрашивал образ отца и тогда в самом раннем ее детстве. Но отца отбирает война. Мать замуж больше не вышла и все свои силы отдает дочке. Что же это за силы? Они все были направлены на то, чтобы жизнь «все равно была красивой». Маленькая комнатка и сейчас похожа на будуар; вазочки, кисейные занавесочки, а тогда в ней еще не было Клариссиных книг. «Мы жили очень трудно, недоедали,— рассказывала мне Серафима Зиновьевна,— но я мечтала видеть девочку при театре, и только при театре. Мне предлагали ее устроить машинисткой, секретаршей, сотрудником в областной архив. Но как представлю, бывало, свою девочку, перебирающей бумаги. Скучные, казенные. Или старые засаленные документы... Нет. ...Как правило, детали в пользу того или иного пути,

решающего события в жизни выбирались третьестепенные, на мой взгляд, абсолютно случайные, но, видимо,все они находились в определенной системе ценностей, потому что повторялись и в речах Клариссы. Все это был какой-то первый, смешной, наивный слой эстетства, напоминающий оттопыривание мизинчика при питье чая, какое считалось когда-то хорошим тоном в определенных кругах.

Нет, к счастью для себя, Кларисса не остановилась на этом. Она стала читать. Так и стоит перед глазами Зигзуга, приблизив к лицу книгу, которой оно отгородилась от всего света и даже от самой себя. Подойти бы, медленно и ласково открыть ее лицо и сказать: «Оглянись, посмотри вокруг. Это так интересно! Тоже интересно».

Для чего она читала все прекрасные книги? Почему? Скорее всего, это было то, что мать ее называла «уйти в искусство»... Создать своей волей мир, ни в чем не соприкасающийся с жизнью... Взрастить цветы фантазии, которые, несмотря на свою красоту, оказываются цветами зла и не дают личности проявиться, реализовать себя. Какая трагедия!

Пристально я вглядываюсь и в собственную дочь и в ее друзей. Нет, на Зигзугу они не похожи, но и для них искусство подчас — не ниточка к миру, а перегородка. Не такая высокая, как у Зигзуги, но все-таки...

Подчас мне кажется, что склонность к эстетству заложена в самой природе отрочества и юности, в их максимализме, в их тяге к идеальному.

В одной из своих командировок разбирала дело девушки-мелиоратора. После техникума пришла она на работу в одно из рядовых подразделений мелиоративной службы Белгородской области. И... не смогла работать. Не из-за профессиональной непригодности. Отнюдь. Ее «шокировали» (любимое выражение юной мелиораторши) отношения в организации.

— Вы знаете, они ссорятся. Неправильно сделан дренаж в колхозе, и начальник все сваливает на инженера, инженер на начальника. И это доходит до грубых слов, оскорблений.

— Что поделаешь. К сожалению, бывает,— пыталась остудить я девушку.— Ну а добрые они люди, хорошие?

— Хорошие. Помогают мне. Когда болела — заботились. Да, но я не встречала, не ожидала — в литературе, в кино все по-другому. Я подала заявление об уходе.

...Во-первых, смотря в какой литературе. Нет, конфликтная, проблемная проза, стремящаяся разрешать противоречия сегодняшние, рисующая характеры очень разные, ее не интересовала. Ей нравилось все розовое в людях хороших. И в

любом произведении она видела эту розовость, ее считала единственной нормой.

Что ж, это само по себе неплохо. И легко объяснимо. В искусстве как таковом, в искусстве в целом мы все ищем, что возвысило бы нас, подтолкнуло к самовоспитанию и самоусовершенствованию. Но...

После встречи с девушкой-мелиоратором я написала материал под заголовком, объясняющим мой личный взгляд на проблему: «Высоко, но от земли не отрываясь».

Нет, я не призывала и не призываю заземлять детей с юных лет, внушать им обывательское и неверное: «литература — одно, жизнь — другое». Но, наверное, и педагог, и отец с матерью могут побеседовать с подростком о сути идеала — этой высшей цели человеческих стремлений. Идеал уходит своими корнями в реальную жизнь, черпает из нее приметы, но опережает ее, не стоит ждать прямых совпадений, нельзя жестко измерять идеалом окружающий мир. Юношеский максимализм прекрасен, если он включает в себя хоть малую толику терпимости, уважения не только к принципу, но и к человеку.

А воспитывать эти черты можно с помощью все того же искусства. Сегодняшние литература, кино, театр дают прекрасные примеры активного вторжения в жизнь.

Вспомним хотя бы «Прощание с Матерой» Валентина Распутина, лауреата Государственной премии СССР. Сколько «больных» проблем: бережное отношение к природе и прошлому, чуткое отношение к человеку, его корням, памяти... Недобор этого, даже малейший, нас беспокоит и должен беспокоить наших детей. Проблемы вполне реальные и настолько жизненные, что к «литературному материалу» каждый из нас может прибавить материал близкий, свой, знакомый и нам и нашему ребенку.

Кто из нас не встречал пятнадцати-шестнадцатилетних, «разочарованных» в дружбе, любви, а то и в человечестве. Как правило, и здесь намечается противоречие между тем, как жизнь представлялась по произведениям литературы, искусства, и какой она «оказалась». Но не доведенное до крайности, это противоречие вызывает один из нормальных возрастных кризисов формирующейся личности. Как всякий кризис, и этот движет человека вперед, является формой развития. Человек идет от литературы, искусства к жизни. Жизнь ему задает вопросы, ответ на которые он ищет в литературе. Все идет нормально, все идет как надо.

И сама жизнь осваивается им эстетически: в обычном, повседневном, противоречивом, лишенном «красивости» человек учится видеть прекрасное. То, подлинное человеческое и высокое,

что открывал для себя и для нас в портретах своих Рембрандт — в старческих, сморщенных, «выработанных» руках своих стариков...

3. ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ ВЕРА

Если родителей Саши (помните, о них шла речь в начале главы) пугает «бесчувственность» сына, то Верину маму настораживает вроде бы совсем иное, нечто противоположное.

— Моя девочка такая впечатлительная, такая нервная. По-моему, трагическое в искусстве просто вредно.

Но Вера-то именно сильных эмоций и жаждет.

«Что за фильм?» — спрашивает она у моей дочки по телефону. И та, зная вкусы приятельницы, упреждает следующий вопрос: «Есть там над чем поплакать. Есть».

Вера в этом смысле исключение из всех знакомых моих старшеклассников. Те, как правило, спрашивают о фильмах, театральных спектаклях и книгах: «А тема какая?», «О чем?», «Какие мысли?»

Вера — милая худенькая девочка с трогательно-детским выражением лица. Именно это детское она в себе и культивирует — делает большие глаза, когда удивляется, и при этом смешно собирает в трубочку губы. Охотно пугается паука, громкого стука двери, сердитого слова.

Как-то мы разговорились с Верой. В разговоре я попыталась поточнее выяснить ее эстетические вкусы и критерии. Первым из всех в последнее время понравившихся фильмов Вера назвала «Леди Каролина Лэм». Этакую душещипательную повесть о трагической неразделенной любви к Байрону прекрасной аристократки. Любовь приводит к унижениям и даже смерти! Трогательно... Хорошие актеры, но, право, о Байроне можно было поведать миру что-нибудь серьезное, интересное. Сентиментально, пресновато...

Но именно то, что я относила к минусам фильма, Вера возносила до небес:

— Я так плакала в кинотеатре, так плакала, у меня даже с сердцем было плохо, и дома я пила валерианку,— передавала мне Вера впечатление от этого фильма, и ей явно казалось, что слезы — некая заслуга, особая мера духовности.

Еще больше всего ей за последнее время понравился «Белый Бим — черное ухо».

— Невозможно не плакать,— снова подводила итог она.

По поводу этого фильма можно говорить много — фильм дает немало поводов для серьезных размышлений.

Но странно: слова девочки у меня вызвали внутренний протест. Я подумала вдруг, что Веру он привлек именно этой своей откровенной «жалостливостью». Собаку жалеть легко,

просто и даже приятно: так быстро ощущаешь свое превосходство перед живодерами, бездушными людьми:

— Так жалко Бима,— уже откровенно раздражая меня, продолжала Вера.

— Ну, а дальше?— спросила я.

— Что дальше?— удивилась Вера.

— Что еще ты можешь сказать о фильме?

— Все плакали,— не поняла меня Вера.— Значит, хороший фильм.

— Ну, а по мысли? Что нового? Какие открытия для нас по сравнению с «Каштанкой»?

Верочка посмотрела на меня удивленно — какие, мол, мысли, коли речь все-таки о собаке?

— Значит... Ну а «Премию» ты видела?— спросила я.

— Видела.

— Ты не переживала за бригаду Потапова, вынужденную работать не так, как надо?

— А что переживать?— Вера явно думала, что я шучу.— Они же победили консерваторов. Все живы, все здоровы.

«Да,— думалось мне,— людей с их сложными проблемами «жалеть» и впрямь труднее, чем собаку Бима. Кстати, в повести Троепольского, по-моему, было много «людских» чувств и мыслей, акцент с «жалости» переносился на социальные и нравственные проблемы (как и следовало ожидать, повесть Вере понравилась куда меньше). «Жалеть» людей — это значит, входить в их отношения с другими, это значит, определять и свой лагерь, и свою позицию, а Бима «отжалела» Вера — и все». И все-таки пока Вера вела речь о произведениях искусства, я ее могла понять. Но вот в ход пошли «Анжелики» — откровенно дешевые мелодрамы, в которых не пахнет жизнью, которые откровенно спекулируют на сентиментальности. Что ж, такое снижение вкуса, такая неразборчивость закономерны.

...Природа прекрасного сложна. Действие на растущего человека многопланово. Разумеется, прежде всего воздействие повести, кинофильма, театрального спектакля и должно быть эмоциональным — в этом специфика искусства. Оно адресовано к чувству, достигает своих целей с помощью чувств. Но оно непременно должно нести в себе и мысль, идею. В конце концов, импульс к размышлению... В этом его ценность. Оно не сообщает мысль напрямую, а предлагает человеку «выстрадать» ее, вывести из собственного опыта и собственного круга интересов, эмоций, понятий. Именно этого Вера не делает.

Приученная матерью с детства, что она натура тонкая, чувствительная, тревожно поощряемая в этой своей

чувствительности, Вера никогда не встречала требования «продолжить» эмоции свои до размышлений, переживания — до мировоззрения.

...Говорят, крайности сходятся. Эпикуреец Саша, которого трудно «пробить», трудно подвигнуть на тяжелое, болезненное сопереживание, и Вера, готовая плакать, лишь бы был повод, противоположны лишь на первый, поверхностный взгляд. На самом деле по отношению к искусству они занимают одну и ту же позицию — берут из него лишь то, что им легко взять, не переутруждая себя.

4. МАША-ВСЕЗНАЙКА

— Ой, вы еще не были на выставке Глазунова? Ну, конечно, постоять придется. Все хорошее — дорого, все интересное — труднодоступно,— щебечет Маша, влетая к нам в квартиру.— Но где еще такое увидишь? Старик в телогрейке, со стаканчиком в руке, а за ним лозунги.

В другой раз:

— Как, вы не видели на кинофестивале «Двадцатый век» Бертолуччи? Как пробилась? Нашла пути. Вспомнила старые связи. Фрейдизм, секс, но и широкое историческое полотно.

При третьей встрече Маша очень хвалит музыку Холминова. Нет, сама она еще не слушала, но все говорят... Кто все? Легкое движение плечами: «Все — это все». И дальше безапелляционные оценки: «прекрасно», «современно», «остро».

Машиным оценкам я не просто не верю — я давно отчаялась в них разобраться. Смешение вкусов, стилей, манер. Удивительная всеядность и удивительная безапелляционность. Первосортное она часто путает с явно третьестепенным, слабое подчас объявляет гениальным. Но Маша всегда знает, что сейчас «нужно» смотреть, читать, слушать. Информацию она черпает из источников самых разнообразных, знакомых у нее полно. Энергии у Маши хоть отбавляй, а сил и времени тоже хватает.

В прошлом году Маша закончила школу, на факультет журналистики не поступила. И пошла работать лаборанткой в собственную школу. Рабочий день часов до трех, а после... После Маша решает, куда сегодня «пробиться», «проникнуть», «попасть».

Способность усваивать увиденное, услышанное и прочитанное у нее удивительная, память блестящая. Ко всему прочему Маша еще и быстрочтица. Читает она много. Знает Брюсова и Белого, «Слово о полку Игореве» и «Рамаяну». Думаю, что многие эффектные сравнения и оценки принадлежат лично ей самой, впрочем, не ручаюсь.

Вот и опять слышу из соседней комнаты, где собралась молодежь, Машин вещающий голос:

— «Женитьба» в театре на Бронной более гоголевская, чем сам Гоголь.

В компании Маша любит быть в центре внимания. И, надо сказать, легко добивается этого. Хотя — странное дело — о ней обычно забывают, как только она уходит. Ей не соберутся иногда позвонить и в радости, а уж, не дай бог, в беде...

Все думают, что из нее выйдет отличный журналист. Но, странное дело, ни одной даже крохотной информации она пока

не опубликовала, хотя крутится около нескольких редакций. Да и в школе, мне помнится, она была сильна лишь там, где требовался простой пересказ, умение запомнить правило и механически его применить. Сочинения, как говорили ребята, у нее были скучные — чаще всего она выбирала темы, которые требовали в той или иной форме повторить текст учебника.

В Машу часто влюбляются мальчики, но скоро охладевают. Один из них, поначалу ходивший за девочкой тенью, а после «остывший», как-то обмолвился:

— Однообразная она какая-то. Вы ее видите раз в месяц, а представьте себе каждый день: «там сенсация», «здесь явление». Фантазии в ней нет, ну чего-то своего, особенного...

Маша по отношению к поклонникам выбрала роль небрежной, холодной и недоступной интеллектуалки.

— Замуж выходить? Ни за что,— говорит она.— А уж вести хозяйство... Увольте. Мне так понятен Сент-Экзюпери, который разлюбил девушку, увидев, как она штопает ему носки.

Машиных родителей я не знаю. И как будто знаю их. Почти уверена: Машин дом — из «престижных», из тех, где с одинаковым старанием заботятся, чтобы соответствовала «мебель», чтобы были нужные сегодня «модные» книги, где под стать всему этому должна быть информированность о каких-то явлениях общественной жизни, в частности, об искусстве. Итак, престижная ценность в ряду других...

...И снова не так, и Машей мы недовольны. А ведь девочка в напряжении, она постоянно проделывает довольно сложную работу — ищет информацию, перерабатывает ее, выдает «под соусом», а это процесс творческий.

Только что же создает Маша? Не себя — свой собственный образ. Очень своеобразная форма эгоизма — в конечном счете все замкнуто на ней, на Маше, а личность теряется, растворяется в суетности, чужих оценках и мнениях, в погоне за престижем.

Нет, снобизм гораздо опаснее, чем кажется на первый взгляд. Приучая человека к поспешному, неглубокому и предвзятому отношению к искусству, он формирует устойчивые отрицательные черты, приметы личности. Юный сноб, как правило, самодоволен — умнее его нет. Мнение других — «непосвященных» — его не интересует, он, если и вынужден его выслушать, не станет с ним считаться. А это уже шоры, мешающие освоению информации (хотя сноб держится именно на ней, ею питается). Именно поэтому «первый умник» так часто останавливается в развитии, с годами превращается в откровенного глупца и невежду.

Снобизм — заболевание не столь уж редкое. И что особенно

настораживает: поражает оно, это заболевание, ребят не всегда из семей откровенных интеллектуальных потребителей, подчас снобы вырастают и там, где к духовной пище относятся вполне нормально. Не так давно мне привелось быть в Третьяковской галерее с тринадцатилетним мальчиком, сыном моих знакомых, людей милых, интересных, тружеников-ученых. Каково же было мое удивление, когда мимо полотен Крамского, Репина мой юный спутник прошел быстрым шагом. Так и не смогла я заставить мальчика всмотреться в них, что-то увидеть, о чем-то подумать. «Ведь это же передвижники?— полувопрос-полуутверждение, обращенное ко мне.— Что может в них быть нам интересным? Скучный реализм». Все эти заявления были для меня полной неожиданностью. Мальчик, я знала, пришел в Третьяковку в первый раз, о передвижниках знал не больше, чем сказал, не представлял толком эпоху, в которую они жили, да и вообще изобразительным искусством дотоле не интересовался.

Мои предположения подтвердились: незадолго до нашего похода в доме приятелей шел бурный, но довольно невнятный разговор о русской живописи. Кто-то из пришедших к ним гостей весьма пренебрежительно отозвался о передвижниках, не раскрывая своей позиции: «Да скучно все это». Кто-то возразил, но тоже без аргументов: «Репина и Крамского всегда считали большими художниками». Мальчишке в тринадцать лет захотелось передо мной выглядеть неожиданным, не стандартным, «считать не как все». Из недавнего разговора он взял напрокат суждение, интонацию. К сожалению, при этом из круга интереса выпала сама суть дела. Вряд ли мальчик захочет в ближайшее время вернуться к передвижникам, присмотреться к ним. Поза перешла в негативное отношение, и целый большой, важный этап в истории развития нашего искусства остался в тени. Вернется ли он к нему? Не повторит ли свое верхоглядское заявление впредь и уж без вопросительных ноток?

Так ли уж редко в наших домах ведутся «оценочные» разговоры о кино, театре, музыке, живописи? Не слишком ли легко мы бросаем о чем-то — «скучно», «ерунда», «пустяк». Для нас эти «свернутые» оценки — конспект реально продуманного, пережитого, отвергнутого в результате внутренней работы. Младший же отрывает оценку от содержания и превращает ее в одну из букв легкого, ни к чему не обязывающего общения с окружающими.

Нет, я не призываю к осторожничанью, к боязни оценить произведения искусства искренне и нелицеприятно. Кому-то и впрямь могут не нравиться передвижники. Но за неприятием серьезной работы всегда должно чувствоваться уважительное

отношение к труду, к искусству как таковому, к сложному процессу отражения действительности. Право на отрицание, как и любое право в жизни, надо заработать, заслужить.

* * *

Четыре встречи... Четыре характера... Разные отношения с искусством. Прекрасное будит фантазию, но когда только фантазию, в ущерб прочим качествам — формируется Кларисса. Прекрасное дарит наслаждение, но когда только наслаждения ждут от искусства — появляется Саша. Прекрасное действует на человека с помощью эмоций, но когда эмоции давят в человеке мысль,— рождается чувствительная Вера. Прекрасное несет в себе новую информацию, но когда за этой информацией гоняются и только ее, как изюм из булки, «выколупывают» из всякого явления искусства — появляется Маша...

Можно ли сказать, что такое урезанное и перекошенное прекрасное вредно? Пожалуй, не будем столь категоричны, не скажем сразу «да». Понадеемся на то, что каждый из наших ребят развивается, и сегодня они не такие, какими были вчера, а завтра станут иными, не похожими на сегодняшних.

И не самые удачные, не слишком обогащающие встречи с искусством могут пробудить новые потребности, толкнуть к новому, более глубокому общению с прекрасным. Да разве только они? От всего хода развития личности будет зависеть, как сложатся отношения человека с искусством. И от нашего, родительского, воздействия на детей тоже.

Чтобы «подтолкнуть» ребенка к общению с искусством, нам нужно понять, что же мы ждем от эстетического воспитания? Какие результаты наших усилий мы хотим увидеть? Помните, именно такую цель мы ставили в самом начале этого разговора.

В этой главе мы на конкретных примерах увидели, как можно, встретившись с искусством, все же разминуться с прекрасным. В следующей — используем возможность задуматься — в каких условиях, при каких внутренних установках личности встреча с произведениями искусства дает наибольший эффект, наибольшую воспитательную отдачу.

Прежде чем ответить на этот вопрос, прочитаем странички из дневника, задумаемся над ними. Такой личный документ дает возможность заглянуть в самый механизм воздействия искусства, в сам ход, процесс эстетического освоения растущим, взрослеющим человеком мира.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
УРОКИ ОДНОГО ДНЕВНИКА

Общеизвестный факт: наши взрослеющие дети ищут взрослых друзей на стороне. Моя дочка для меня во многом закрытая книга, радостью еще поделится, а уж неудачей или печалью никогда. Зато если придет в гости моя подруга Вера, дочь сразу ее перехватит, закроются они на кухне и шушукаются часа два.

А Верина дочь Маринка, естественно, ходит в моих «подружках». И тайную двойку, и первую ее влюбленность мы с ней переживали вместе. Маринка резко, сразу превратилась в человека взрослого — очень рано обрела самостоятельность, работала, поступила в медицинский институт. Ко мне стала прибегать куда реже. И все же заходит. Недавно притащила мне целую папку бумаг.

— Вот стала разбирать собственные фотографии, накопившиеся за много лет. Натолкнулась на аккуратно перевязанный толстый пакет. Рукою матери написано: «Детство, юность». Ну, конечно, только мама могла хранить все это столько лет — мои школьные сочинения, мои выписки из книг. Библиотекарь по должности, она и по природе библиотекарь — смотрите, все разложено, подклеено, самодельно переплетено. А вот даже маленький список-«каталог». А это отдельно — мой дневник, который писался от всех, даже от мамы в тайне. Просматриваю собственные записи — далекие-далекие. Боже мой, не узнаю себя. Словно не я, словно кто-то совсем другой переживал все это. Записывала так подробно, порой смешно, глупо, порой искренне, порой не очень. Что делать с этим? Порвать и выбросить, после того, как они хранились столько лет? Решила отдать вам. Вдруг вам пригодится? Как материал для журналистских размышлений,— полушутя, полусерьезно объяснила Марина.

Я обрадовалась бумагам.

Во-первых, Марина мне всегда была интересна — умная, глубоко думающая, тонко чувствующая девушка. Смелая в поступках, на первый взгляд, подчас неожиданная, но всегда верная себе. В неполные двадцать четыре она была сложившимся, надежным в своих привязанностях, непримиримым к пошлости, глупости, лени и злу человеком.

А во-вторых... Я знала, какое большое место в жизни Марины занимает искусство.

Так и есть, вот они, эти тетрадки — внутренняя лаборатория

растущего человека: как воспринимает он произведения искусства, что от них ждет, что берет, словом, как идет работа по переработке эстетических воздействий в то, что позже станет эстетическим отношением человека к действительности.

— Марина, а... обнародовать избранные места отсюда можно?

Марина засмеялась.

— Конечно. Ведь это уже вроде бы и не я — какая-то маленькая глупая девочка писала, впоследствии неуверенная в себе, мечущаяся девочка-подросток...

Думаю, что младшая моя «подружка» не обидится, если я ее записи и прокомментирую. Ведь какие-то возрастные особенности всеобщи, так или иначе отражают типическое развитие личности, а потому, осмелюсь думать, могут быть интересны не только мне и Мариниой маме.

1. ЕСТЬ ТАКОЙ ГОРОД

На тетрадочке в клеточку надпись, сделанная рукой Веры: «Первая «повесть» Маришки» (семь лет). На первой странице нетвердым почерком дошкольницы заголовок: «Карлсон на Луне».

«Вечером я забыла закрыть окно, и влетел добрый Карлсон. Пропеллер у него за плечами жужжал и мешал мне его слушать. Но он подлетел совсем близко и спросил меня: «Хочешь на Луну?» Я, конечно, хотела. Он взял меня за руку, потянул к окну, и мы стали подниматься все выше и выше.

На Луне все голубое, луняне не знают ни одного другого цвета...»

И дальше на пяти страницах — о похождениях на Луне, знакомстве со смешливыми лунянами. В «повести» чувствовалась подражательность (что послужило толчком — «Маленький принц» Экзюпери, с которым Вера познакомила Маринку довольно рано?), но было одно несомненно: Марина обладала воображением, фантазией.

Пожалуй, это свойство в каком-то новом, «взрослом» качестве сохранилось в ней до сих пор. Я знаю немного людей, которые умеют так быстро и так полно включаться в ситуацию, предлагаемую книгой ли, кинофильмом ли, спектаклем, так «верить» в характеры, обстоятельства, настроения, заданные автором.

Мы с ней в консерватории. Слушаем Шопена. Мне мешает многое: свет, чей-то кашель, собственные мысли, имеющие к искусству весьма далекое отношение. Марина же вся в другом измерении, отключена от мелочей. Смотрим с ней вместе фильм. Интересный по выбору героев, с хорошими актерами, но достаточно условный — толчок для размышления, не больше. Нет, Маринка и его умудряется пережить как жизненную, подлинную драму.

Насколько помню, Вера сознательно воспитывала в Маринке эту страсть отождествлять в какой-то мере желаемое и действительное, фантазировать, продолжать в воображении судьбы литературных героев.

Помню один из ее разговоров с дочкой, происшедший в моем присутствии (Марине тогда было лет пять-шесть). Я, Вера и ее соседка спешили на вечерний сеанс в кино. Перехватив на бегу по бутерброду с чаем, мы одевались. Вера мыла чашки. А Маринка канючила:

— Мам, не ходи в кино. Мам, пойдем в Изумрудный город. Мама, я боюсь одна, придут головотяпы...

Ясно было, что ей только что прочли прелестную сказку Волкова «Волшебник Изумрудного города». Верина сослуживица попыталась «успокоить» Маринку:

— Да ведь нет этого города. Нет.

Но Маринка расплакалась.

— А почему города нет? Зачем же пишут? Ты же, мама, говорила, что обманывать нехорошо...

Верина соседка ударилась в размышления:

— Эти писатели... Морочат ребятам голову. Не знают, о чем писать, не знают жизни, выдумывают...

Маринка смотрела на нее своими огромными заплаканными глазами, пытаясь понять, о чем идет речь.

Вера сказала своей соседке:

— Об этом — по дороге,— и уже обращаясь к Мариночке:

— Иди сюда, дочка, на дорожку поговорим.

— Понимаешь, такого города и впрямь нет, но ты думай, что он есть. Писатель на это рассчитывал, понимаешь? Этот город нельзя «потрогать», но в голове у писателя он как настоящий, и мы его видим, верно? Значит, он есть.

— Есть!.. Есть такой город,— радостно обернулась Маринка к нам. На том, что города все-таки нет, она не заостряла своего внимания. Ей не надо было вычеркивать из головы прекрасную изумрудную картинку, не надо было бороться с собственным воображением, и она была рада.

Мы вышли, когда девочка спокойно листала знакомую книгу, с приливом нового любопытства, внимания всматриваясь в страницы.

Вера часто слушала с дочкой радиопередачи — сказки и постановки. И она, и муж приносили домой пластинки для Марины: «Белоснежка и семь гномов», «Винни-Пух», «Телефон» Чуковского. Вера и мне дарила для дочки, советовала: «Покупай, прекрасно читают текст, отлично оформлено музыкально». И обязательно добавляла: «Телевизор — не все. Телевизионные передачи слишком «сковывают» малыша. Они и рассказывают, и показывают, не оставляя места для собственной фантазии, для домысла».

Позже, я помню, в их семье стали играть в «Путешествия по карте».

— Итак, Мариночка, ты находишься в Горном Алтае...

— Горно-Алтайский заповедник раскинулся...

— Чур, не по учебнику!

— Я попала в Горно-Алтайск весной. Город лежал в чаше, образованной горами. На горах этих цвели жарки — оранжевые, горячие цветы... Ну, папа, ты там был, так?

— Точно!

Иногда они все трое играли еще в одну игру: прочитывая новую книгу до середины, предлагали каждый свое завершение. Спорили до хрипоты: «Это — в характере»... «Но обстоятельства...»

Так что первая «повесть» о лунянах, сохранившаяся в старых бумагах,— лишь маленький штрих того далекого уже времени, когда Маринка училась сознательно подключаться и сердцем и умом к тому, что предлагали ей осмыслить и почувствовать другие люди.

Кстати сказать, «повесть» эта не случайно родилась в том предшкольном возрасте, который больше всего подходит для развития таких качеств, как воображение, страсть к фантазированию в лучшем смысле этого слова. Ребенок к пяти-шести-семи годам накопил немалые знания об окружающем, познал многие из его закономерностей, умеет оперировать своими знаниями. Но в то же время эти его знания, конечно, далеко не полны. При высокой активности познания мира (а в этот период дети очень активны) ребенок стремится восполнить свои пробелы за счет переноса известного на неведомое, за счет своевольных комбинаций уже познанного, то есть за счет фантазии. Он постоянно играет, что-то придумывает и невольно осваивает тот творческий процесс мобилизации воли, знаний, чувств, который ему нужен во всей долгой жизни. Важно поощрить его в этой работе, не убить скептицизмом его стремления к фантазерству, не сделать его робким и бездеятельным. Пролетят эти чудесные годы на грани большого знания и незнания, и ребенка уже «не раскачаешь на фантазии». Он, не познав этого раньше, вовремя, станет «очень грамотным», твердо и жестко отсекающим «правдышнее» от «нарошного». И, к сожалению, скучным, не творческим человеком. К искусству же, которое все построено на воссоздании реального мира по законам фантазии и воображения, он будет относиться свысока, предпочитая опираться на свою бедную, серую «истину».

2. «ПРОПАЛИ МУХИ»

Не знаю, и впрямь ли оно было первым сочинением в ее жизни или оно первое из тех, что мать Марины сохранила, но скорее всего, первое, написанное в третьем классе. Оно имеет некоторое (очень, правда, небольшое) отношение к искусству, поэтому привожу его.

«Сочинение ученицы... и т. д. по картине Левитана «Золотая осень».

На картинке нарисованы желтые деревья. Сейчас на дворе тоже осень, листья на клене перед нашим окном тоже желтые и красные. Это очень красиво.

Осень вообще очень хорошее время. Потому что идешь в школу и видишь своих друзей после разлуки. Уже холодно. Пропали мухи. На картине Левитана небо синее, наверное, еще август или сентябрь стоял на дворе, когда художник рисовал лес. А сейчас, в октябре, небо уже серое. Того и гляди станет холодно и пойдет снег. Но снег растает. Обычно он ложится уже после праздника, после 7 ноября. Но однажды было так: выпал на 7-е снег, покрыл землю. А красные листья выглядывали из-под белого снега, как флажки. Если бы умела, я бы нарисовала это».

...Да, мыслей негусто. И этот откровенный прозаизм «пропали мухи».

А, впрочем, было Марине тогда всего десять лет. В десять она, значит, узнала, что есть Левитан, и картину его тоже отметила. Кстати, «золотую осень» она любит до сих пор. И к тому же...

«Пропали мухи» — это, конечно, не Левитан. Это Марина сама. Со своим восприятием осени. Это ее умение замечать, отмечать... Про мух — смешно, но очень важно.

Листья-флажки — неожиданно. Вот ведь как увидела. Видеть и слышать — это дано человеку от рождения. Но вглядываться, вслушиваться, внимать — этому надо его учить. А именно на этом умении основано восприятие всех произведений искусства. Они не входят в нашу душу сами, а требуют ответного напряжения, усилия «старания» души. И к этому усилию надо готовить ребенка, заранее, с первых дней, первых шагов.

Помню, Вера еще только готовилась стать матерью, а весь дом ее был завален книгами по возрастной психологии и физиологии. Она заранее закупала игрушки по какой-то системе («мягкие нужны для развития тактильных (кожных) ощущений», «яркие — для восприятия цвета», «погремушки — оттого, что звучат»), отбирала какие-то пластинки.

Я, помню, удивлялась, надо ли так?

— Ты же знаешь,— говорила она.— Я не могу жить без музыки, без Баха и Шопена. Ну и литературу люблю, театр, кино. Все это — значительная, важная и одна из лучших сторон моего существования. И очень хочу, чтобы мой малыш, когда вырастет, тоже не прошел мимо всего этого. Хочу, чтобы его глаз был человеческим — умел видеть окружающее в красках и радоваться разноцветию. Чтобы ухо выделяло не только опасные и безопасные сигналы извне (такие сигналы воспринимают и животные), но воспринимало гармонию звуков. Кстати, сейчас многие родители пытаются приобщить ребенка к музыке до года, включают проигрыватель, радио — вреда от тихой мелодичной музыки нет, а польза, возможно, имеется?

Маринке было два, три, четыре года. Она только начинала осознавать себя, выделять среди других. Слова «дай Марине» по типу «дай тете», «дай маме» она заменяет твердым «дай мне». Отныне ее «Я» противостоит в ее сознании всему остальному. И в это остальное она всматривалась с удивительным вниманием. Минутами могла рассматривать камешек, изучать пенек, травинку. Самое время было подсказать ей: природа не только интересна, она прекрасна. Какое яркое небо в августе и как отражается оно в реке. И как вольно дышится в поле. А как радует глаз красная земляника, выглянувшая из-под зеленого листка. Тогда наверняка и к картинке или картине, репродукции, появившейся в доме, Маринка станет относиться столь же активно. Она будет ждать от нее того же удовольствия, что научилась получать от природы.

В эту пору все больше времени проводит с Маринкой Виктор, отец Марины. Муж у моей Веры золотой. Спокойный, неспешный. Инженер, я думаю, инженер хороший. И не только потому, что Виктор любит и знает свое дело, свой цех, он умеет слушать людей. И к Маринке он всегда внимателен, как никто. Даже Вера со своей любовью к дочери в этом не может сравниться с ним. Вечно бегущая, вечно в несчетном количестве рабочих, общественных и домашних дел, она недослушает подчас собеседника, недодумывает собственную мысль. И темперамент у нее бурный, и ум острый, а той неспешности, какая нужна для «возни» с ребенком, вошедшим в возраст «почемучек», недобор» Инстинктивно ли, случайно ли, в силу необходимости ли все прогулки в субботние и воскресные дни она переложила тогда на Виктора? «Давай, я за картошкой сбегаю, а вы в парк» — иногда в те годы бывало и такое.

Детство создано для созерцания. Для внимательного, гипнотизирующего разглядывания. Еще нет забот, занимающих

пространство души, еще не столько хлопот. Уже в юности трудно жить не спеша, не торопясь, это можно позволить себе лишь в детстве, может быть, еще в отрочестве, но не позже. Ритм нашего века очень высок, и, скажем прямо, многие из нас забыли это детское умение неспешно смотреть, неспешно слушать. А, может быть, и не знали?

Маринка любила вернуться к тому, что уже раньше видела («Папа, пойдем, посмотрим еще раз «хромую» елочку»). Она просила по сто раз читать знакомый наизусть «Телефон» Чуковского. Кстати, все дети получают огромное удовольствие от того, что уже знакомо, значит, находят и в привычном новые штрихи, тонкости, почему мы утрачиваем это качество с годами? В дошкольную пору Маринку не таскали ежедневно в кино на мультики, не очень баловали ее и телевизионными радостями. Словом, не перебивали одно впечатление другим. Наверное, поэтому сейчас она умеет смотреть на красивое подолгу. И в музей она сейчас ходит на одну-две картины: «Не могу бегом — не вижу толка».

Неспешному созерцанию нужно учиться сразу, на заре жизни. Потому что это труд, а не пенкоснимательство. Потому что в этом случае в общение с произведением искусства непременно входит собственный жизненный опыт. «Пропали мухи» — в этой смешной фразе Маринкино личное, пережитое восприятие осени. И это очень важно, что оно всплыло при долгом, внимательном взгляде на картину известного мастера кисти. Это значит — левитановская «Осень» заставила девочку заглянуть в себя, взглянуть на мир, снова в себя. Заметить перемены. Не стоим ли мы у самых истоков духовной работы? Той работы, которая соединяет отдельного, единичного человека с окружающим миром и обществом.

3. ПО ОДНИМ ЗАКОНАМ

Среди бумаг, фотографий, тетрадок — конверт. В конверте небольшая шелковая косынка и открытка. На открытке печатными буквами: «Дорогой мамочке в день 8-го марта 196... года». Марина, значит, еще дошкольница... Рассматриваю косыночку. Она умело обвязана, по белому вышита белым — со вкусом, неожиданно. Детсадовские работы моей дочки были, прямо скажем, куда хуже по замыслу. Да, у Марины уже в ту пору выявлялось умение делать все по-своему, все, к чему она прикасалась. Это от Веры.

Мне, честно говоря, почти безразлично, из какой чашки пить чай. Вера и Марина, даже если торопятся, обязательно разложат на столе салфетки, отойдут, полюбуются. И в одежде так. Все продумают: сочетаются цвета или не сочетаются, идет одна вещь к другой или нет. У Маринки это с детства. Однажды я кое-как зашила ей варежку. Она погуляла в ней, но придя домой, к моему стыду, сделала мне невольный упрек:

— Я ниточку выдерну. А то варежка желтая, а нитка черная. Некрасиво.

И впрямь было некрасиво.

Почему я задумалась над этим фактом? Разве это связано как-нибудь с восприятием прекрасного в искусстве? Ведь это тема нашего разговора. Прямо, нет. Я знаю людей, чувствующих поэзию и музыку и не обращающих внимания на некрасивые подробности своего быта. И все-таки...

Искусство — одно, жизнь — другое? Кто это сказал? Зачем же возвышаться в концертном зале «до неба» и опускаться после в пучины небрежности? И то, что у Марины, вслед за ее матерью, было и есть действенное желание все делать и перестроить по законам красоты,— прекрасно.

Жизнь и искусство если и можно назвать противоположностями, то диалектическими, взаимопроникающими. И чем больше развито общество, тем сильнее это взаимопроникновение. Начиная с главного — отношений между людьми (мне нравится формула, созданная, кажется, Алексеем Максимовичем Горьким: эстетика — это этика будущего) и кончая средой, условиями нашего существования.

Сплав искусства и быта возник давно. Вспомним об архитектуре: почти столько, сколько человечество помнит себя, оно строило жилище не только как укрытие от непогоды и холода, но и как произведение искусства. Современный дизайн связал в единый узел искусство, науку — медицину, физиологию,

житейскую психологию. Наши мебельщики стремятся, чтобы кресло было удобным, не вредило нашей фигуре и радовало глаз, наши модельеры создают одежду по законам и удобства, и красоты.

Для Марины такое взаимопроникновение искусства и обыденного существования органично. Сейчас, когда она стала сама хозяйкой, женой, матерью, это выявилось особенно ярко. В ее квартире все просто, удобно и очень красиво. Она и ее муж не гоняются за модными «стенками», а строят стеллажи сами — и с какой выдумкой, с каким умением выразить себя, свое отношение к жизни. Скатерти у Марины... вышиты. Да, да, вышиты ею самой — там цветочек, там монограмма, работы всего минут на пятнадцать, все несложно, десяток стежков, но до чего же приятно!

Марину не отнесешь к ярым и педантичным любительницам домашних дел. Суп варит между делом, в доме не держит мелких безделушек (собирают пыль), но когда на нее находит «стих» и она затевает генеральную уборку, все в руках горит. Видно, как наслаждается она собственным движением и чистотой, поселившейся в доме, как смотрит на знакомое словно бы со стороны и любуется. Помню, по дому Марина уже в детстве работала немало. Уже лет с двенадцати Вера поручала ей весеннюю генеральную уборку дома — с мытьем окон и стен на кухне.

...Маринка раскраснелась, повалилась на стул:

— Ох, устала. Но посмотрите, какое стекло! Блеск, да? А дышится как в комнате сразу!

В этом преодолении себя и усталости, в достижении пусть маленького, но совершенства — чистота, полная чистота!— был момент и творческий: сделано! И сделано неплохо!

4. В ОЖИДАНИИ ЧУДА

«Послезавтра мы с классом идем в театр. Пьеса, сказали в классе, не очень интересная. Детская. Многие ребята не рвутся. Я сначала задумалась, идти или не идти, тем более что по телевизору новый фильм. Посоветовалась с мамой. А она на меня набросилась: «Ты что! Первый в жизни спектакль! Ни елка, ни концерт для детей, а настоящий спектакль в театре». Она, наверное, права. Телевизионный спектакль и кино — это когда играют для всех, а театральный — когда для нас, для меня в том числе. Каждый театральный спектакль,— говорит мама,— неповторим, каждая роль создается заново сегодня, завтра, послезавтра. После этого мне было немного стыдно сказать маме, что я даже не узнала, на какой спектакль распространяют билеты и в какой театр. Договорились, что я ей из школы позвоню на работу.

Мы идем на «Синюю птицу» во МХАТ. Мама так смешно меня попросила: «А нельзя ли достать билетик?» Конечно, можно. Она так радовалась. Оказалось, что «Синяя птица» была и ее первым спектаклем, только артисты тогда играли другие. Весь вечер мама рассказывала мне о МХАТе, о режиссерах Станиславском, Немировиче-Данченко, об актерах Лилиной, Книппер-Чеховой, Яншине, Андровской. У нас оказалось несколько книг о МХАТе. Мама считает, что «Синяя птица», как и «Чайка»,— вечный спектакль, символ самого театра. Выходит, мне повезло.

Мне было немного стыдно за наших ребят. Спектакль уже начался, а они шумели, ходили по рядам, хрустели конфетными бумажками, переговаривались, лупили друг друга, когда на сцене уже появились артисты. Мне показалось даже, что актеры ждали тишины. После все затихли, потому что смотреть, как Митиль ищет свою Синюю птицу, свое счастье, было очень интересно. Но сначала... Я даже решила выступить на пионерском сборе и прямо сказать Глухову и Семенову, что они вели себя неприлично. Но мама не посоветовала. Лучше, говорит, взять и достать билеты еще на какой-нибудь спектакль и в связи с этим поговорить о поведении в театре. Или провести сбор, посвященный театру. Не для ругани, а по-другому. Рассказать о чем-то. Ну, скажем, о том, как создавалась «Синяя птица» и почему она так долго идет на сцене. Завтра мне мама принесет из библиотеки Метерлинка — это он написал «Синюю птицу». Мама, правда, считает, что читать его сегодня скучновато, но уж если хочется, то, пожалуйста. А мне хочется. Я ведь сейчас много думаю о том, что можно и нужно считать счастьем. Я даже не знаю, счастлива или нет.

Случайно услышала, как мама говорила папе: «Культпоход в театр — это неплохо, но что-то при этом теряется». Мне стало интересно, что же теряется, и я откровенно призналась маме, что очень хочу знать это. Мама рассмеялась. Ишь, говорит, ушки на макушке, и сказала, что в театре, может быть, самое прекрасное — тишина зрительного зала и ожидание, сам настрой. Ничего еще не происходит. Вот только музыканты в оркестре пробуют ноты, полутьма. А к тебе приходит состояние счастья. У меня этого не было, но я так хорошо это понимаю. Это, наверное, так же, как музыка — ее можно слушать только в одиночестве или с очень близкими людьми».

Рукой Веры приписка: «Маринка никогда не отказывается пойти в театр, с удовольствием ходит одна. Хорошо, что это не ритуальный «выход», а интерес к содержанию, к спектаклю. А начинался, значит, театр почти с «вешалки» — почти с внешнего, с отношения к театру вообще, в принципе».

5. ПОДАРОК

«Вчера мама пришла из библиотеки радостная. Стала тормошить меня: «Привезли Джоконду, представляешь? Из Лувра. Ту самую, Мону-Лизу. Да-да, в Пушкинском».

С вечера мы приготовили все заранее. Мама выгладила свое зеленое платье. И хотя папа смеялся: не все ли равно, в чем стоять целый день (об очередях мы уже наслышались — занимают с вечера), она оделась во все самое лучшее. Отшучивалась: «Недаром говорят, что леонардовская Мона-Лиза сама выбирает, кому нравиться. Хочу, чтобы выбрала меня». Я тоже оделась как надо, да и папа. И вот рано-рано мы встали. Яичница наскоро и бутерброды с собой. В полшестого были у метро. Но, конечно, когда пришли, очередь обвивала и музей, и все прилегающие улицы. Встали. Какое это удовольствие стоять в такой очереди — не за кофточкой и не за сапогами. Рядом студенты. Кто-то учит ботанику, кто-то потихоньку разговаривает с соседями. И все предвкушают: впереди — Джоконда. Мама мне и раньше рассказывала о ней, о ее загадочной улыбке, а вчера принесла солидную монографию о Леонардо. Вместе пролистали, теперь читаю основательно. Оказывается, Мону-Лизу художник писал много лет, не желал с ней расстаться и не продавал ее, и многое из того, как она «сделана», тайна и до сих пор.

Входим. Она одна во всем зале. Подхожу, и Джоконда улыбается мне. Она меня выбрала! Как жаль, что нельзя около нее постоять, тысячи людей на улице тоже хотят встретиться с ней взглядом. И она провожает меня, и улыбается очень грустно. В какой-то миг мне показалось, что она сдерживает слезы, а после ее улыбка стала светлой, омытой пережитым страданием.

Как я благодарна маме. Подарок на всю жизнь!

Сейчас мне нет и тринадцати, но я буду помнить Джоконду и весь этот день до шестидесяти!»

6. «ХОЧУ БЫТЬ ХОРОШЕЙ»

«Эти записи в дневнике сделаны в четырнадцать лет»,— написано рукой Веры. И еще наискосок помечено: «Душа проснулась».

«Душа проснулась...» — лучше не скажешь. Читаешь и видишь, что именно выросла активность души. Свойственная возрасту, беспорядочная, метущаяся, она приводит автора дневника к сложным, подчас мучительным проблемам. Девочка пытается решить эти проблемы, но ей не хватает жизненного опыта (одно из противоречий сложного переходного возраста). Общение со взрослыми еще тоже не отлажено, еще нет навыков этого проблемного, мировоззренческого общения. Это заставляет Марину впервые в жизни взглянуть на произведения искусства как на копилку реального человеческого опыта. Еще произведения искусства не воспринимаются как явления эстетические, подчас от книги или театральной постановки ждет девочка прямого решения, подсказки, но постепенно, шаг за шагом, растущий человек уходит от узости буквализма. Ему помогают в этом возрасте взрослые. Как мы убедимся из записей Марины, уже в это время нужны подчас прикосновения к теории вопроса: отношение искусства и действительности.

«Сегодня я подошла к зеркалу и долго себя рассматривала. Я, конечно, некрасивая, но глаза у меня выразительные, словом, я думаю, что, может быть, я симпатичная. Интересно, как я смотрюсь со стороны? Какая у меня походка, как я держу голову? Что думают обо мне встречные люди?

Иногда меня охватывает отчаяние: мне кажется, что у меня нет примет, меня нельзя запомнить, я очень неинтересна и никому не нужна...

Мне очень плохо. Нагрубила маме, папе. Из-за пустяка. А с другой стороны, кто им дал право вмешиваться в мою жизнь. «Почисть туфли», «Делай уроки». А если я не хочу?

Если бы можно было завтра утром проснуться совсем другой... И начать жизнь сначала. Я была бы вежливой, доброй, внимательной. А правда — какой бы я была? На кого я хочу быть похожей? На Татьяну Ларину? Я очень люблю эту героиню, но она не училась в школе, ей не приходилось решать те проблемы, что мучат меня. На Гулю Королеву? Во мне нет этого желания брать одну высоту за другой, вернее, искать очередную высоту. Мне кажется, жизнь сама предлагает много трудных ситуаций, но из них не каждую решишь волевым усилием. Вот как мне, к примеру, наладить отношения с мамой? Ведь она и не

подозревает, какая я взрослая, о чем я думаю. Если бы она знала, что меня так мучают мысли о смерти, о самом ее существовании (как смешно — существование смерти! смерть — ничто, черная дыра). Если я умру, то зачем все то, что происходит со мной сейчас? Если бы я могла поговорить об этом с мамой или папой! Но они удивятся. Не об оценках, не о школе, не о подругах даже, а об этом! Я очень люблю их, больше всех на свете. Так что же мешает быть с ними по-настоящему близкой? А, может, у каждого, есть свое — неприкосновенное?

Пошла к маме в библиотеку на диспут «Делать жизнь — с кого?» Очень интересно. Я очень взволнована, и хотя уже одиннадцать часов, спать мне совсем не хочется.

Сначала выступала пожилая женщина, как сама она себя отрекомендовала «бабушка двух внучек» и еще «бывший инженер». О чем она говорила?

О том, что прочла в журнале «Юность» повесть Анатолия Алексина «Безумная Евдокия». Что ей было ее читать интересно, ей, немолодой уже женщине, далеко ушедшей от собственной молодости.

Одного в ней не хватает — примера для ребят. Главная героиня, мол, девочка яркая, личность, среди сверстников — заправила. Заводила, авторитет. Но какая она? Эгоистичная. Безжалостная. Для того чтобы покрасоваться, проверить собственную волю, ушла от своей группы, от своих ребят в лесу. Себе она что-то там доказала, в собственной значимости и значительности утвердилась, но как это дорого обошлось другим!

И кто этому сверхчеловеку в прелестном девичьем облике противостоит?— возмущалась «бабушка двух внучек».

Растерянный папа, от лица которого ведется повествование. Причем он только что понял: в воспитании дочки не все ладно. Но что именно неладно, еще не осознал и девочку свою «милую» не развенчал. Слабая мама, которая в буквальном смысле сходит с ума от горя, решив, что ее дочь погибла. Учительница, «безумная Евдокия», которая, чувствуя внутренний изъян в героине, не хочет (или не может) убедить в его существовании ни родителей, ни друзей девочки.

Чему и кому в этой повести можно подражать? И вспомнила выступающая свое время (имея в виду ту пору, на которую пришлась ее юность), когда все старались быть похожими на Павку Корчагина. Когда же «бабушка» воспитывала своих детей, все они назывались «тимуровцами», потому что был у них свой сверстник — герой Тимур из повести Гайдара «Тимур и его команда». Сегодня она не смогла назвать такого литературного вожака и это ее беспокоило. «Попросите писателей, чтобы

подумали на эту тему»,— обратилась «бабушка» к моей маме.— Думается, и папам и мамам, и бабушкам и дедушкам было бы куда легче воспитывать детей, будь у них под рукой пример, на который можно сослаться: «Вот таким я хочу тебя видеть».

— Тут началось! Каких только героев не называли с мест. А «бабушка двух внучек» на все: «старо» или «нецельный герой, с изъянчиком». Наконец, встал мальчик, из десятого класса:

— Вот вы говорите: нужен литературный герой, которому мы могли бы подражать. Уточним понятие «подражать». Что это значит в реальной жизни? Вот вы и ваши сверстники «подражали» Павлу Корчагину. Прекрасный герой — как хорошо, что он всегда «был рядом», был с вами. Но «подражали» ли вы ему? И кто-нибудь вокруг вас строил ли жизнь так же, как он? Многие из прекрасных людей, честных патриотов во время Великой Отечественной войны воевали, работали в тылу, работали тяжело на заводе, недосыпали ночей, недоедали хлеба — как все тогда, думали лишь о том, чтобы еще одна бомба, отлитая их руками, помогла бойцам расправиться с фашизмом.

Но они не пытались говорить, как Павел, и, возможно, никогда не были столь строги с близкими людьми. Не хватало воли, характера, слишком легко прощали, быстро забывали обиды? Нет, просто они были другими.

Думается, и вы, — сказал он, обращаясь к «бабушке», — не пытались быть похожей на Корчагина в прямом смысле этого слова. И вы, как и всякий человек, следовали каким-то свойствам собственной натуры, только вашей.

Выходит, герой произведения искусства не создан для прямого подражания. Согласны? Идеал, символ того образа жизни, какую бы нам хотелось прожить. Носитель тех моральных норм, которые мы считаем своими, тех нравственных ценностей, которые мы стремимся обрести.

А после выступила моя мама. Я сначала испугалась — сумеет ли она сказать на уровне «предыдущего оратора». Но она сумела. Как хорошо иметь такую умную маму. Я ею горжусь. То, что она говорила, так важно для меня, что запишу подробно. Это очень интересно по мысли.

«Нельзя потребовать от писателя, — говорила мама, — пиши, мол, свои повести и романы на положительном материале и ни как не иначе — так надо нам, воспитателям и детям нашим, для самовоспитания. Художественное творчество — процесс сложный, во многом интуитивный. Держится он отнюдь не только на разуме, характеризуется такими, столь трудно уловимыми «параметрами», как вдохновение, открытие и т. д. Важно, чтобы художник донес до маленьких читателей свое отношение к

жизни. Ведь вы (здесь она обратилась к «бабушке двух внучек») поняли, что героиня Алексина — девочка плохая, что она приносит вред окружающим, теряя человечность ради лидерства, желания покрасоваться. Вы поняли, что эгоцентризм — сила разрушающая. Почему же вы решили, что другие это не поймут? И разве ребята, прочитав эту повесть, не захотят стать добрее, лучше, внимательнее к родителям, терпимее к своим учителям?

В том и специфика искусства — оно не терпит буквализма. Оно дает эстетический, высокий уровень отношения к действительности, а не указания: как жить, зачем жить и т. д.»

Это одна из маминых формулировок. Списываю ее дословно с той бумажки, которую она набросала перед выступлением. Здесь есть над чем подумать! А после мама высказала мысль, которая мне очень близка и понятна:

«Мы не видим в современной литературе героя для «подражания», идеального героя. Такие герои есть. У этого же писателя Анатолия Алексина есть другая повесть «Действующие лица и исполнители». Герой — самоотверженный, преданный своему делу и коллективу молодой человек, главреж ТЮЗа трагически гибнет от болезни, но до последнего мгновения не бросает любимого дела, искусства, которому служит, не отступает от высоких принципов. Есть и еще немало очень достойных людей, описанных нашими современными писателями, — героев положительных в самом прямом и недвусмысленном понимании этого слова.

Почему же они не вызвали такого всеобщего восхищения, желания на них равняться не вызвали, как Павел Корчагин и Тимур? По-моему, прежде всего, оттого, что ребята наши стали сложнее и «разнообразнее», чем были мы. Одному нравится один герой, другому — не этот, а вот этот. Усложнилась личность (время идет), и дети раньше, чем мы когда-то, осознают свои личные особенности и вкусы. Нынешнему подростку и не хочется, по-моему, быть на кого-то очень похожим. Боюсь, что у него даже выработается душевная «аллергия» на такого героя. Он считает всяческие указания типа «будь таким» за очередное ЦУ, нотацию».

Как это точно! Я ведь хочу быть хорошей. Но хорошей по-своему. Не как Тимур, не как Корчагин (хотя и как они тоже). И через свое, пережитое. Пусть даже через боль, страдание, ошибки прийти к хорошему в себе...»

7. СЧАСТЬЕ ПОНИМАТЬ, СЧАСТЬЕ БЫТЬ ПОНЯТОЙ

«Что делать, если совершенно нет уверенности в том, что жить надо? Что станет, если завтра меня не будет на свете? Ничего не изменится. Будут убиваться мама и папа, подруга Мила пожалеет обо мне и... забудет, станет дружить со Светкой, она и сейчас, наверное, охотно проводила бы все время с ней, если бы не было неудобно передо мной. Ничто не изменится, и хватит закрывать глаза на истинное положение дел: я никому-никому не нужна. И уж Саше, само собой разумеется, тоже.

А вдруг... Вдруг, узнав о том, что я не захотела больше существовать бессмысленно и тупо, он задумается обо мне и пожалеет о том, что потерял. И я останусь в его памяти, как что-то необыкновенное, чистое. Знает он, как я к нему отношусь? Чувствует ли? Иногда я вижу в его глазах что-то такое... А вчера во дворе прошел мимо и не глянул. Так равнодушно прошел. Притворяется или по правде?

То, что произошло, — полный крах, моя гибель, мое несчастье. В школе был новогодний вечер. Как мы готовились! И в нашей самодеятельности я должна была изображать мага. Немного фантазии, немножко кривлянья (гнусавый голос, возведение рук к потолку, смешные позы). Весь наш класс от моих штучек был в восторге, можно сказать, я — гвоздь программы. Принесла с собой и шарф для тюрбана, и страусовое перо. И вдруг... Вдруг у стены среди нетанцующих мальчиков вижу... Сашу. Как очутился он в нашей школе? Зачем пришел? Что теперь будет?

Бегу к Кире, говорю, что выступать не буду, что болит горло, температура и т. д. и т. п. Все приходят в ужас: на меня надеялись, я одна могу выручить класс и прочее. Начинают стыдить, я взрываюсь — к черту, все кончено, могу я делать, что хочу? Или не делать, чего не хочу. Что я им обязана, что ли? И слышу это: класс мне не простит, лучше, если я вообще перешла бы в восьмой «б», там все такие эгоисты. Больше со мной не говорят, я могу плестись домой и рыдать дома, сколько влезет.

Если бы они знали! Ну, как, как я могу при Саше произносить дурацкие слова противным голосом, как?

Итак, я после стояла у стены. Лицо у меня было злое и жалкое одновременно.

Кончилась самодеятельность. Да, наш класс и вправду выглядел слабовато. Начались танцы. И... вот здесь-то я

совершила свой для меня самой удивительный и непонятный шаг. Музыка. Обида. Грусть. Я стою у стены никому не нужная, никто не приглашает меня танцевать. И в трех-четырех шагах от меня такой дорогой, такой интересный мне человек — Саша. Почему мне показалось, что и ему грустно и даже тяжело, что и ему хочется, чтобы кто-то подошел и сказал теплое слово? А может, этот кто-то именно я? Почему он пришел в нашу школу? А вдруг? И вот теперь не решается ко мне подойти, мучается, а после уйдет в грусть и тоску. А я тоже буду мучиться. Все это так убедительно сложилось у меня в голове, что я вдруг поняла, что уже направляюсь, иду к Саше. Все — поздно! В душе у меня смущение, ужас, я заливаюсь краской и бормочу:

— Здравствуй. Как ты здесь очутился?.. — и все такое разное в этом роде.

И тут же понимаю, что он не ждал меня. И мыслью где-то далеко, как говорится, в иных краях. Весь словно со сна. Вот разглядел, узнал меня (хотя что узнавать — живем в одном доме и знаем друг друга с двух лет и раньше все было совсем просто).

— Что ж, — говорю я фальшивым, дрожащим голосом, — может, есть смысл нам вписаться в общий топот?

— Нам? — ошеломленно повторяет он.

— А что, ты не танцуешь? — пытаюсь я острить легко и весело.

— Отчего же? Позвольте вас пригласить, — догадавшись, наконец, в чем дело, говорит он. Манерно так говорит.

Мы танцуем, и, как и положено, я пару раз сбиваюсь с ритма, пару раз крепко задеваю головой за подбородок. Я скована, мне плохо, я уже ничего не хочу. Я облегченно вздыхаю, когда кончается музыка, и делаю вид, что мне страшно некогда, что меня ждут. А где и кто может меня ждать? И уже отойдя, оглядываюсь на Сашу и вижу его взгляд... Не на меня, не мне вслед. Он смотрит в другую сторону. И как смотрит. Я прослеживаю куда — Милка. Моя подруга Милка...

Словом, минут через десять, когда я вошла в зал, потерянная, неуверенная в себе, они танцевали вместе, танцевали, ничего не замечая. Я кинулась к раздевалке.

А ночью, полдвенадцатого, Милка позвонила мне. «Мне нужно тебе многое срочно сказать».

— Ну а можно сказать завтра утром? — небрежно тяну я.

Я не спала всю ночь.

Да, он провожал ее, да, он сказал ей те самые слова, которые говорят в таких случаях. Все это я узнала на другое утро по дороге в школу, когда мы как всегда встретились с Милкой на углу. В классе меня презирают. Одна Мила еще говорит со мной.

Стоит ко всему случившемуся прибавить двойку по географии, мамину ругань, и становится ясно — я в тупике. Я не знаю, как мне жить дальше. Такое получить от Милки — удар в спину. Ведь она знала, знала, что Саша для меня значит в жизни.

Почему он выбрал ее? Все очень просто — она красивая. Я бы тоже выбрала Милку. Вот мама говорит, она легкомысленная, мало читает. Но если бы мне предложили две кофточки: одну красивую, другую теплую, я выбрала бы красивую. Хотя после, возможно, пожалела бы об этом в холодную пору. Вряд ли Саша так дорог Милке, как мне. Может, он вспомнит об этом.

Да что это я? Саше я и не нравилась. Ему нравится Милка. Милке нравится Саша. Так в чем же проблема? Вот сейчас встану, подойду к телефону и позвоню подруге. «Все нормально, Мила. Все верно».

Следующая запись по тому же поводу.

«Гуляли с Милкой три часа. Бродили на морозе в нашем саду пионеров. Говорили о том, как жить дальше. Милка готовится стать медиком. Конечно же, как Саша. Она то и дело цитирует его, и каждый раз у меня сжимается сердце. Но это, как говорится, моя личная забота, моя собственная печаль. Милка похудела, глаза сияют.

Иногда она спохватывается и спрашивает меня:

— Ничего, что я так?..

— Ничего, — отвечаю я небрежно, — у меня все давно прошло — пересохло. А пришла и наплакалась в подушку вволю. Мамы и папы не было, и поэтому я даже подвывала вслух. Все у меня кончено, никого и никогда я так не полюблю, как Сашу. Идут дни, идут недели. Почему же на душе не становится ни легче, ни яснее, ни спокойнее. Переживу? Переживется? Если бы можно было заснуть надолго и хотя бы во сне отойти от всех этих мыслей...»

Прямо скажем, ситуация нелегкая. «Любовный треугольник» — тяжелое испытание и взрослому человеку, а здесь человек совсем юный, только познавший чувство влюбленности, еще не научившийся строить отношения с другими на основе таких сложных и сильных, всепоглощающих эмоций. От него можно ждать всего: истерики, скандала (знаю, увы, случаи, когда девочки даже дерутся из-за мальчика); ухода в себя — мрачного, злого броска «во все тяжкие». Жалкие полудетские, полудевичьи «романы». Милая моя Маринка, ты вышла из тяжелой ситуации достойнейшим образом. Интуиция? Знание, что искусство «очищает» душу. Или поиски ответа на вопрос: «Как быть?» И то, и другое, и третье привело тебя к этому активнейшему общению с музыкой, литературой, кино.

Вот записи той поры.

«Музыка. Как хорошо, что я могу хоть плохонько, но играть. Шопен, Шопен и еще раз Шопен. Целыми часами не отхожу от инструмента. Мама удивляется: «Когда кончила музыкальную школу, взялась за ноты». Она-то не слышит, что слышу я в мазурках, этюдах и вальсах. А я слышу боль непонятости. И ту легкую, «согласную» с этой болью грусть — пройдет, пройдет, все пройдет. Вдруг я даже радоваться начинаю, что меня коснулась любовь к Саше — все тяжкое пройдет, все светлое останется. Шопен лечит меня».

Общению с прекрасным нет цены, ибо к нему можно прибегнуть в трудную минуту, когда надо найти ответ на вопрос, поставленный жизнью. И оно поможет растущему человеку, даст самое ценное — итоги, результаты жизненного опыта других людей. Оно не подвластно месту и времени: на «перекрестках» разных столетий встретились гениальный Шопен и милая, серьезная девочка Марина.

Шопен «понял» ее. И она, эта девочка учится счастью понимать других. Душа становится чуткой и мудрой. Свидетельством тому хотя бы эта строчка из записей той поры:

«Мой дядя Саша получил новую квартиру. Все хорошо, да бабушка осталась одна. А она ведь привыкла к большой семье. Вдруг вечерами и ночами ей будет одиноко, страшно. Предложу маме съехаться с ней...

И новая запись в дневнике:

«Ни с кем не разговариваю — ни в школе, ни дома. Оттого много читаю. Не оттого, конечно. Но читаю. Прочла «Что делать?» Чернышевского. По программе надо. И задумалась — все про меня. Лично. Видимо, не у меня первой в мире возникла такая неразрешимая ситуация, когда двое любят одного и того же третьего. Как им быть? Что делать? Люди по-разному относились к этому факту. Дуэли... Это самое благородное из «враждебных» вариантов. Грушницкий — Печорин... Но странное дело: я не хотела бы разделаться с Милкой, мне страшно подумать, что Милка бы уехала из нашего города, а уж прочее... Так много с ней связано. Она одна меня понимает. К ней, а не к маме с папой приду я в трудную минуту.

Все гораздо сложнее... И мне не у кого спросить, как надо поступить, что делать. Говорят, что подобные проблемы человек решает сам.

Итак, «дуэль» в любом варианте мне не подходит, скандал, базар и прочее — какой позор! Как противны жены, которые делят своих мужей, видела однажды крикливый разговор у подъезда.

Но если мир с Милкой, то на какой основе? Как я должна все чувствовать, чтобы относиться к подруге по-прежнему? Меня выручил Чернышевский. Показал то, что в жизни я пока не встретила и встречу ли? но чему хочу следовать сама. Отношения между его героями высоки. Они не предъявляют на любимых права собственности и оттого не зло, а добро рождает между ними любовь. Лопухов и Кирсанов остаются друзьями, хотя любят одну и ту же женщину. Ни лжи, ни пошлости, и любовь при таком уважительном отношении становится подлинной любовью».

Что добавить к этой записи? Пожалуй, стоит лишь еще раз обратить внимание, что роман Чернышевского прямо помог юному человеку найти позицию в довольно трудной нравственной коллизии, изменил его отношение к фактам собственной жизни.

Причем совпадение — проблема и «разрешившее» ее произведение — не столь уж редкое. Кто ищет, тот находит. Искусство многозначно, как жизнь, и всегда работает на создавшуюся доминанту. Если человек влюблен, то все фильмы, какие он смотрит, «оказываются» о любви.

...Читаю дневник дальше. Преодолено отчуждение девочки с классом. Окончена школа. И отношения с искусством становятся повседневной, спокойной (если можно так выразиться применительно к искусству) и крепкой связью.

8. ЛИЧНО В ОТВЕТЕ

«Меня преследуют неудачи. В институт не поступила. Мой медицинский лопнул. На год! Или совсем? Уверена ли я, что выбрала свою профессию? Или я тянусь за Милкой и Сашей? Они-то поступили. Саша не мог не поступить. Милке немного повезло. А я... А я работаю лаборанткой в собственной школе — обычный путь «неудачниц».

Зато много читаю. И то, что хочется. Впервые в жизни — совсем не по программе, не к экзаменам, не потому, что надо, а для себя, для души. Снова Пушкин, снова Толстой, впервые по-настоящему Достоевский. Что выношу из всего этого? Много разного. Но главное «впечатление» — быть человеком на земле трудновато: приходится постоянно проверять себя — не поступилась ли достоинством. Вот, кажется, абстракция — достоинство. Его нельзя представить и сформулировать, просто нельзя. Однако каждый внутри себя знает, что это такое. Это все. Начни я ловчить с институтом, как Алька из нашего класса, и меня нет, я не существую, я убита живьем. Пушкин знал, что это такое. Мне кажется, не из пустой и плоской ревности шел он на дуэль с Дантесом — он защищал, щепетильно защищал и свою честь и честь семьи. А честь — это то же достоинство. Для меня все его герои вполне живые люди. Та же Татьяна. С ее непонятной на здоровую логику верностью старику. Наверняка вокруг нее были веселые адюльтеры, многие флиртовали. А она со своей подлинной и давней любовью не решилась на шаг, о котором окружающие, скорее всего, не узнали бы. А если и узнали, то не осудили — дело-то обычное. Она, страждущая, несчастная, обделенная судьбой, верна прежде всего самой себе».

И новая запись в продолжение этой.

«Если человек переступает нравственные нормы, он разрушает себя и окружающих. Человек не один, он связан со всем множеством незримых нитей. Ведь «колокол звонит по каждому из нас». Но даже когда он не звонит, мы все — часть единого материка. И дав себе поблажку, выпустив на волю подлые, низкие инстинкты, обижая других, мы чаще всего не получаем удовольствия, если хоть чуть-чуть развиты. Но если даже получаем, начинаем гнить. И гниет тогда все, что рядом. Прочитала повесть Трифонова «Обмен». Как заразительно мещанство! Как от жены оно переходит к мужу, как захватывает близких в свои лапы, если люди эти не готовы к самому активному сопротивлению.

В наших лабораториях работаем мы с Верой (Вера второй год,

дважды сдавала на психфак, не поступила). Смотрю на нее и удивляюсь. Какое холодное равнодушие к тому, что делает. Оставляет грязные колбы, недавно в десятом «а» чуть не произошел взрыв. Колбы — мелочь, но так же и к людям. Обманывает нашу химичку на каждом шагу. И ходит в консерваторию — слушает реквием Моцарта, восхищается! Значит, думает о месте человека на земле, о его долге пройти свой путь напряженно и достойно. Как-то не выдержала, спросила ее, как, мол, можно так относиться к делу. Засмеялась в ответ:

— Что, — говорит, — дура я что ли, надрываться на временной работе?

Временная... Я тоже не собираюсь всю жизнь просидеть в химическом кабинете, но жизнь-то одна и это — ее отрезок. От этого факта никуда не уйти. Это все равно, что жить в грязной комнате, не убирать за собой кровать. Это нечистоплотно.

Вчера, в день рождения, друзья принесли мне альбом Яна Питера Брейгеля. Сколько деталей — мелких, точных в каждой картине. Я полюбила этого художника давно. У меня такое ощущение, что он смотрит на нашу Землю с высоты — скажу смелее, с космической высоты (ведь оттуда все детали четче и ясней), хотя знаю, в его время космическая высота была недостижима. И смотрит он на все с такой любовью, с таким любопытством, боясь пропустить всякую мелочь, рассматривая подробности каждого человека, каждую веточку, каждый холмик на милой сердцу Земле. И все это важно, и все это связано, и каждый должен носить в себе и этот взгляд на планету, на которой ему выпало жить в одно время со всеми другими людьми. И каждый должен оставить хороший след, ведь ему достался мир не простой, но прекрасный. И от меня лично зависит, станет ли мир этот еще прекраснее.

Ездили в Ясную Поляну, к Толстому. Я не случайно пишу так, словно посетила живого, в одно со мной время живущего человека. Как объяснить то, что случилось, что произошло со мной? А сначала ехать я не хотела, уговорили родители.

Я не любила литературные музеи. У нас в школе хорошие учителя. И наш литератор Валентина Константиновна старательно водила нас к великим. Проходили Пушкина — она заказывала экскурсию по пушкинской Москве, Чехова — шли к Чехову в его маленький, скромный домик на Садовой. И в толстовский музей в Хамовниках мы, конечно, тоже ходили. Признаюсь себе, несмотря на проникновенные речи экскурсоводов, я не волновалась. Читать Пушкина, Чехова, Толстого я уже очень любила, а рассматривать рукописи, вещи мне казалось неинтересным и ненужным. Но, видно, всему свое

время.

Давно «прошла» «Анну Каренину» и «Войну и мир». «Прошла» — это плохо сказано, я зачитывалась Толстым, жила в его мире — кто лучше меня может понять сегодня Наташу? Это все обо мне (не по событиям, конечно, а по мыслям, по чувствам). И вот я в местах, где Толстой провел значительную часть своей жизни. Въезд, аллея, старый дуб — «дерево бедных», могила Льва Николаевича над оврагом, здесь прятал он с братом зеленую палочку, детский символ счастья, просторы за усадьбой. И мы — я, мама и папа. Как это происходит, я не знаю, но именно в такие минуты все прочитанное становится какой-то ощутимой реальностью. «Моя» Наташа как-то незримо связана отныне с этим удивительным летним днем, с его дыханием, с движением тени от листвы на аллее, со всей моей жизнью.

Приехав, открыла зачитанное, знакомое наизусть (в буквальном смысле слова — учила к уроку) то место, где князь Андрей «встречается» с дубом. Как этот старый, видавший жизнь и невзгоды дуб оживает! И князь возвращается к жизни после своей потери — смерти жены. И я... заплакала. Сам ритм прозы вошел в меня глубоко, что-то во мне перевернул. Все события последних лет вдруг отошли. То есть отошло все мутное, неясное, тяжко неразрешимое. Да, я еще люблю Сашу, да, я еще не нашла своего места в жизни (вернее нашла, но не достигла — хочу быть врачом), но это... неважно. Есть жизнь, есть прекрасный дуб в Ясной Поляне, есть книги.

Я чувствую себя удивительно счастливой, и это счастье не зависит от внешних обстоятельств.

Закончила «Тихий Дон» Шолохова. Последние страницы. Смерть Аксиньи, ее одинокая могила. Григорий, который едет в родные места, к семье, к детям. Я на собственном опыте убедилась, что жизнь не безоблачна. Сколько каждому из нас предстоит даже при лучшем благополучном варианте. Не избежать разлук с близкими людьми, не избежать тех потерь, которые называются смертью. От природы положено жестокое — «пережить родителей». За очень любимых боишься всегда, мне давно знакома эта тревога, кажется, с тех лет, когда я стала сознавать себя. Но после «Тихого Дона» пришло и новое: понимание того, что за плечами у мамы и папы жизнь, долгая и трудная, что уже поэтому их надо не только любить, но и беречь. Я не прожила и семнадцати, а сколько выпало на мою долю переживаний, боли и обид. Возможно, через год или два, три все «страсти» с Милкой и Сашей покажутся и мне смешными, но мне нелегко их было пережить. А у мамы... Ведь мама сейчас второй раз замужем. Первый ее муж оказался не слишком достойным. Он

пил, изменял маме. Что пережила она? То же, что Наталья у Шолохова? Как сумела избавиться от своего чувства? Какой ценой? С какой-то иной, маминой точки зрения я вдруг увидела и себя. Как часто я ее обижаю, как трудно, наверное, ей даюсь. И сколько я болела! Только воспалением легких — трижды. Помню, как спешила она отвезти меня на юг, к морю, чтобы пневмония не перешла в хроническую. Теперь-то я понимаю, что ее гнал мучительный страх за меня, за мое здоровье, за мою жизнь.

С «Тихим Доном» пришло для меня понимание трудной цены каждой человеческой жизни. Старших надо уважать уже за то, что они старше. Как мудры народные обычаи, призывающие чтить старость, опыт, мудрость.

Я понимаю, что отошла в мыслях от «Тихого Дона», что это — уже о собственной жизни, но к этим мыслям подтолкнул именно Шолохов, показавший судьбу человеческую в особых, сложных условиях, и в то же время — как просто человеческую судьбу, с ее типичными законами.

Встретила Мишу. Проснулась утром и все по-другому.

Как хорошо, что мама и папа не руководили моим чтением в том узком и примитивном смысле слова, которое сводится к лозунгу — уберечь! Уберечь от Мопассана, от «Анны Карениной», уберечь от всего, где речь идет о любви в ее реальных человеческих проявлениях.

Парадоксально: самой проблемы «возраст — искусство» в моей родительской семье, в нашем доме не вставало. Никто мне никогда не запрещал ни читать чего-либо «не по возрасту», ни смотреть.

У Милки же папа и мама относились к ее чтению весьма внимательно: одну книгу ей давали читать, про другую говорили — рано. Точно так же с кино, не дай бог попасть на фильм «до шестнадцати». Разумеется, Милка в первую очередь читала запретные книги, смотрела «взрослые» фильмы, уж так мы были устроены в ту пору — как не хотелось быть нам причисленными к тому разряду людей, которые зовутся «дети»!

Милые, смешные родители! Они словно забыли, что сейчас почти в каждом доме есть библиотека более или менее обширная — бери, читай, что и когда хочешь. Да и «опасного» Мопассана современные писатели, что называется, обошли, стоит посмотреть два-три номера «Иностранной литературы» и наткнешься на «опасную сцену». Что поделаешь, не зря ведутся речи о сексуальной революции. Телевидение, кстати, тоже не чурается этой стороны жизни. Как говорится, объятия, поцелуи.

Стоит ли этого бояться? Я думаю, нет. Оттого, что мы стали более «многознающими», мы не стали принципиально другими. И

чистота чувств отнюдь не то же самое что неведение. Это — устойчивость нравственных понятий, устойчивость всех жизненных ценностей — всех, именно всех, вместе взятых. И Милка с ее влюбчивостью, с ее взволнованным, трепетным отношением к друзьям не стала хуже оттого, что тайно от папы и мамы посмотрела фильм «Осень», в котором рассказывается о внебрачном романе. Пошлое отношение к любви, к жизни возникает, по-моему, там, где налицо недобор знаний, переживаний, где существование идет чисто бытовое, внешнее. Пошлость — от бездуховности.

И потому, став когда-нибудь мамой, я буду руководствоваться лишь одним — хорошая или плохая литература читается моим ребенком. Разумеется, возраст учитываться будет, но не строго, не жестко. Не хочу, чтобы сын мой (а у меня будет сын, я почему-то думаю, что сын, бумаге-то я могу признаться, что мечтаю о сыне, похожем на Мишу) видел в том же Мопассане «запретный плод», не хочу, чтобы он искал в томике «клубничку», — это плохо.

Всю классику я начала читать очень рано. Лет в десять-одиннадцать я уже «примеривалась» к Толстому и Достоевскому. «Братья Карамазовы» не шли, и я их откладывала в сторону. Был ли от этого вред. Если и был, то в одном: до какого-то срока роман меня пугал своей сложностью, казался скучным. Я прочитала его с некоторым опозданием, под нажимом друзей, но, с другой стороны, как приятно в зрелости обнаружить, открыть для себя книгу такого масштаба!

«Анну Каренину» прочла рано. Линия Анны, Вронского, Каренина меня в ту пору не взволновала. А Левин и Кити очень даже пришлись мне по сердцу. К роману я возвращалась много раз, и каждый раз мой жизненный опыт помогал мне обнаружить новый круг проблем, новые лица и мотивы трогали меня. Но то первое знакомство было особенно ярким. Кити и Левин на катке... Объяснение в любви. И эти отгаданные слова — написанные на стекле первые буквы. Разлука Кити и Левина. Их случайная встреча на проселочной дороге в предрассветный час...

Что я могла понять в свои десять лет? Что я знала в свои десять лет? Что я знала о любви мужчины и женщины? О человеческих отношениях, сложных и мучительных? Да ничего, конечно. Но самый аромат чувства я ощутила — на то Толстой и большой художник, чтобы донести его до каждого, даже до десятилетней глупой девчонки. Для меня это был первый урок общечеловеческой любви — урок поэтический, прекрасный, высокий. Именно он помог мне позже противостоять всем тем дворовым и классным «урокам», открывающим (а точнее — закрывающим) глаза на отношения мужчины и женщины.

Толстой, именно Толстой, дал мне почувствовать, что главное в этих отношениях — состояние счастья и волнения, которыми отмечается подлинное чувство. Так хорошо, что прочла «Каренину» рано. Сейчас, когда мне (именно мне, женщине) предстоит упростить, сделать теплее такие сложные отношения, какие сложились у нас с Мишей, сохранить их чистоту, высоту, я читаю «Каренину» в четвертый или пятый раз. Не мы первые под луной целуемся, женимся, становимся близкими настолько, что дальше некуда».

На этом дневник обрывается. «Бумага не выдержала водопада чувств», — пошутила Марина. Скорее всего, это действительно так. А может, просто понеслось время с быстротой невероятной, просто отныне было некогда делать записи.

...Мы знаем, автор дневника Марина стала зрелым человеком. Сейчас у нее позади годы учебы и годы интересной работы. Есть семья. И, как мы видим, в мир взрослых девушка вошла с вполне сложившимся мировоззрением. Ее взглядам на мир предстоит развиваться и дальше, но какие-то основные ценности уже сложились, от них она не отступит. Честность, доброта, чувство долга, стремление посмотреть на любую коллизию широко и непредвзято — все при ней, могу вас заверить и потому, что близко знаю Марину.

И немалую помощь в этом ей, как мы убедились, оказало искусство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
КАКОЙ ЖЕ СЛОН НА САМОМ ДЕЛЕ!

Вернемся на миг к двум предыдущим главам. Вспомним Зигзугу, эпикурейца Сашу, слезливую Верочку и всезнайку Машу. Вспомним Марину, с которой мы познакомились достаточно близко благодаря ее дневнику. Обращаясь к этому «жизненному материалу» для размышлений, мы не могли избежать хотя бы не прямой, хотя бы косвенной его оценки. Все мы сойдемся во мнении: в одних случаях (Саша, Кларисса, Вера, Маша) отношения растущего человека с искусством складывались не самым лучшим образом — они бесконечно прокручиваются, ничем не кончаются, в другом (Марина) — имеют прямой выход на становление личности.

Но попробуем от такой, довольно общей оценки «влияет — не влияет» пойти в глубь проблемы, уточнить для себя, чего мы, родители, ждем от встречи нашего ребенка с искусством. От конкретных примеров оттолкнувшись, взглянем на вопрос теоретически.

Попробуем представить себе такое: «вычеркнем» из истории какое-либо всемирно известное произведение искусства. Представим себе, что мы не читали бы (никто и никогда) шекспировского «Ромео и Джульетту», пушкинского «Онегина», толстовскую «Анну Каренину», не слушали бы Чайковского, не видели бы полотен импрессионистов. Или сбылась бы трагически-реальная ситуация: забылись, затерялись бы не на несколько десятков лет (как это случилось на деле), а на все времена нотные тетради Баха.

Как обеднели бы мы сразу! Сколько дум бы не передумали, сколько бы эмоций не изведали, сколько оттенков собственных чувств не осознали. То же чувство любви, самой разной — к Родине, к человеку, к женщине, к мужчине или к ребенку — сформировалось бы, мне кажется, у большинства из нас куда более плоским, менее разветвленным.

А представим совсем уже страшную картину: искусства вообще нет. Вместо книг, картин, пластинок — вакуум. И все мы сразу отброшены куда-то к обезьяне, к животному миру. С помощью логических объяснений можно научить правилам поведения, но разве нет их у муравьев? Можно передать другому метод сколачивания табуретки... Но как научить в этой ситуации человека чувствовать? А чувствовать — это значит понимать того, кто рядом, это действовать, исходя не только из своих

потребностей и интересов, а с учетом внутренних побуждений других — друзей и недругов, близких и чужих (вот, оказывается, и всех людей, с которыми сталкиваемся, мы делим для себя тоже по эмоциональным признакам).

Лев Толстой, много и серьезно думавший о роли искусства в жизни общества, называл его способом общения людей «через посредство чувств».

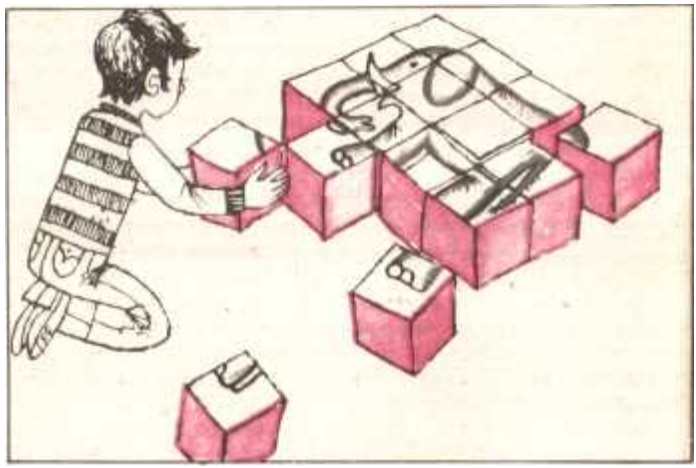
Зачем нужно это общение? Только ради него самого, ради высокой возможности понять, откликнуться, испытать чувство потрясения, катарсиса, служащего толчком для духовного обновления? Помните, именно с этого вопроса начинали мы наш разговор — зачем оно существует, это искусство? Какие выбрать «единицы измерения» для оценки результата эстетического воздействия ? Как должно «сработать» произведение литературы, живописи, кино, для того чтобы мы все знали: искусство точно и хорошо формирует нашего ребенка? Здесь-то нам самое время вернуться к разговору о социальных функциях искусства, начатому на первых страницах этой книги.

Все мы знаем, что марксистская философия рассматривает человека как существо социальное по своей сути.

Свои человеческие возможности — способности, талант, желания — человек может реализовать лишь в совместной деятельности с другими людьми — в производственной, общественной. Он выполняет свои профессиональные функции, и в них заложена частица труда, необходимого обществу; на него ложатся определенные гражданские обязанности.

Эстетическая деятельность человека тоже имеет вполне определенное общественное предназначение.

Мы убедились, что это предназначение искусства не реализуется или реализуется в очень малой степени, если растущий человек потребляет искусство, проходя мимо его творческой сути. И, напротив, подлинная встреча с прекрасным, обернувшаяся трудом души и разума, ведет к рождению нравственных ценностей, подчас к их пересмотру. Кларисса, Саша, Вера, Маша только потребляют прекрасное, ловко избегая той работы, в которой формируются нравственные ценности, принципы. Обеспокоимся. Вспомним слова Чехова из «Скучной истории», что любая духовная работа должна приводить к общей идее, без которой ничего нет. (Общая идея — мировоззрение, понимание своего места и своей позиции в жизни общества, своего долга перед людьми.)



И порадуемся за Марину. Искусство помогло ей пробиться к новым формам человеческого общения, помогло реализовать свои возможности. Опираясь на него, Марина создала подвижную, самою в себе заключающую возможность развития, систему ценностей и представление о смысле жизни.

Законы нравственности не передашь в курсе лекций, не изложишь в своде определенных правил. Мало сказать человеку будь добрым. В одной ситуации добро — не сказать живущему рядом, что тебя в нем не устраивает, в другой, напротив, — умение вовремя вмешаться, одернуть, остановить. Нравственность всегда конкретна, всегда требует работы мысли и души, умения чувствовать и решать. Чувствовать ситуацию, состояние собеседника... Именно этому и учит искусство.

В каждом настоящем произведении искусства заложен код общечеловеческого чувствования любви и ненависти, добра и зла. Отдельный человек неповторим, индивидуален и в то же время он носитель общечеловеческих качеств. Об этом хорошо сказано Александром Ивановичем Герценом: «Каждый человек опирается на страшное генеалогическое дерево, корни которого чуть ли не идут до Адамова рая; за нами, как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана — всемирной истории; мысль всех веков на сию минуту в нашем мозгу...»

Искусство дает каждому из нас эту способность чувствовать по человеческим законам. И если как надо и как не надо себя вести человек узнает из правил поведения, то как надо относиться к происходящему, как оценивать себя, свое место в обществе, в коллективе, в мире, человек узнает и в практическом общении — в школе, в семье, в коллективе и... в произведениях искусства.

Кроме вечного, в прекрасном всегда присутствует и

преходящее — реальное время, конкретные обстоятельства, черты единичной личности автора. На стыке этих двух начал в определенный миг истории рождались ценности того, кто создавал произведения искусства. А тот, кто его воспринимает, создает нравственные ценности в свою эпоху, для своего времени.

Чем старше становишься, тем яснее сознаешь «единица — ноль». Человек не просто живет рядом с людьми, он реализуется в людях, он — необходимое звено между прошлым и будущим. И потому он должен прежде всего обрести ценности своих собратьев, научиться их чувствам, понять их мысли. Этому он учится всю свою жизнь, осваивая пласты культуры.

Общество передает каждому новому поколению культуру огромного диапазона. Малыша учат есть ложкой, подростку в школе рассказывают об основных законах физического мира, пришедшему из армии дают профессию токаря, пожилому человеку, пенсионеру, выдают для чтения книги в ближайшей библиотеке. Социализация человека — включение его в общество — по сути, продолжается всю жизнь. И в сегодняшний опыт подростка непременно включен и опыт человечества, переданный с помощью искусства. Чем богаче этот опыт, чем глубже и шире, тем более точен в своих нравственных и гражданских решениях нынешний подросток.

«Без прошлого нет настоящего, нет будущего» — эта ленинская установка прекрасно объясняет социальную сущность искусства.

И все-таки... Почему в одном случае встреча с искусством происходит лишь формально, не влияет на становление нравственных норм и воспитание гражданских качеств, а в других при тех же внешних условиях ведет к ускорению социализации человека, воспитывает гражданина?

1. СЛЕПЕЦ ИЛИ ЗРЯЧИЙ?

Вспомним известную восточную легенду.

Слепцов попросили рассказать о слоне — что это такое слон? Какой он? Один из слепцов подробно, на ощупь исследовал ногу слона и рассказал после: слон — это круглое, словно столб, его можно обхватить руками. Другой, потрогав хобот, сообщил: слон — это длинное, похожее на змею. Третий, дотронувшись до ушей, констатировал: плоское, шершавое. Человек берет от искусства то, что способен взять и сколько может в данный момент. Воздействие любого произведения искусства зависит и от качества этого произведения, и одновременно от приготовленности того, кто с этим произведением встречается.

Вот почему одни ребята, «заражаясь» прекрасным, становятся творцами нравственных ценностей, а другие нет.

Пояснить эту мысль мне поможет фильм, который видели многие из нас, родителей, фильм, обошедший экраны сравнительно недавно, фильм, о котором много говорили и писали и который вполне заслуживает такого к себе внимания. В последние годы кинематограф очень часто обращается к вопросам воспитания. И в анализе педагогических проблем подчас опережает педагогическую печать, улавливает острые моменты формирования человека очень точно и четко.

Обратимся же к тому материалу, какой он предлагает, проанализируем интересующую нас проблему на примере «Чужих писем» режиссера Ильи Авербаха и драматурга Натальи Рязанцевой.

Героиня фильма Зина Бегункова из сильных детских натур, из лидеров, ей постоянно хочется быть очень хорошей, одобряемой коллективом сверстников и взрослыми, больше того, хочется быть самой лучшей, быть в центре внимания.

У Зины складываются свои, особые отношения с искусством. Бегункова знает, что в наше время искусство ценится, разбираться в нем престижно. И человек, который любит искусство, разбирается в нем, достоин всяческого уважения. Бегункова понимает, что прекрасное призвано осуществлять высокую роль учителя жизни, воспитателя. Девочка растет, она, как всякий растущий человек, познает мир, сталкивается с проблемами и честно старается решать их с помощью тех идей, которые предлагают ей взрослые «из уст в уста» и посредством произведений искусства. Но это стремление «научиться» носит несколько механический оттенок, он понимается чересчур прямолинейно. Мечется, мечется девочка-подросток, примеряя к

себе то одну, то другую мысль, то одну, то другую роль, то одну, то другую линию поведения. Вот выступает она в классе так правильно (но так жестоко!), обвиняя кого-то в беспринципности. Вот учит она наизусть письмо пушкинской Татьяны к Онегину. Декламирует, актерствуя, не в силах освоить содержания и чувств, в строки вложенных,— что чувствует и пожилая учительница, улавливая слишком жесткие интонации, это чувствуем и мы. Но окончательно убеждаемся, что это так, когда видим, как девочка вслед за Татьяной объясняется в любви другу своего брата, человеку, который куда старше ее по возрасту. Ситуация по сюжетной линии «онегинская», по внешнему рисунку взята напрокат из западного кинофильма, явно безвкусная. Довольно вульгарная, пошлая. Не случайно тот, кому Бегункова сообщает о своем чувстве, груб с ней: неплохой и скорее всего добрый мужчина жестоко учит ее, понимая, что за словами Зины ничего не стоит, кроме актерства, стремления поинтересничать.

Вот тебе и столкновение с великим искусством! Но искусство в этом меньше всего виновато.

А что же виновато?

Авторы «Писем» пунктиром, чуть-чуть, без нажима показывают, что девочке не хватает нравственного опыта, для того чтобы искусство стало подлинным двигателем ее духовного развития. Негде девочке было этого опыта набраться.

Отца Зины мы не видим, да и существовал ли он для нее? Мать, в чем-то провинившаяся перед обществом, отбывает наказание, и Зина в себе самой строго ее осудила, «вычеркнула» из своей жизни, как вычеркивают позорную страницу. Дом бытовой у Зины есть — это дом ее брата. Там ее сытно кормят, хорошо одевают, но в душевный мир заглянуть то ли не хотят, то ли не умеют.

У Зины нет дома в большом и важном смысле этого слова. Нет дома не с традициями даже (традиции подчас передаются, как эстафетная палочка, не затрагивая детской души), нет дома с устоями. Устоявшимся ритмом, устоявшимся стилем отношений, устоявшимся, своим, неповторимым духовным климатом. Такие устои нужны, чтобы уже в детстве складывалась четкая система ценностей, чтобы ощущалась незыблемость понятий «честь», «добро», «правда». Чтобы эти понятия не брались на время и напрокат в подобающем случае, а творились ребенком, входили в плоть и кровь, жили, развивались и определяли поступки взрослеющего человека.

Вспомним дневник Марины. Из него очень легко извлечь одну мысль: всему свое время. Ребенок, не научившийся играть, фантазировать, домысливать в дошкольном возрасте, не обретет

этих качеств позже, будет воспринимать искусство несколько прямолинейно. Есть время, когда особенно сильно на растущего человека действуют музыка и поэзия, — это ранняя юность. Сколько на свете людей, не любящих поэзию, не понимающих ее и, что особенно грустно, не желающих понять, — им в юности не попалась книга, показавшаяся чудом. Хотя бы одна книга подлинно прекрасных стихов, прочитанных неспешно, не для урока, для себя. Интерес к живописи, к архитектуре тоже приходит примерно в это время, может быть, чуть позже...

Позвольте, но разве школа проходит мимо искусства? Конечно, нет, но так уж устроен человек, что весь сегодняшний опыт осваивается, если он «ложится» на предыдущий. Как ветки на дереве: одна вырастает из другой. И в этой цепи первое звено — дом, семья. Здесь берут начало важнейшие потребности, интересы, приводящие человека к глубокому, творческому общению с произведениями искусства. Здесь формируются качества, позволяющие это искусство глубоко и активно воспринимать. У Зины Бегунковой выпал очень важный, может быть, самый важный этап приобщения к искусству. Оттого и нет опережающего развития — она опаздывает, и это отставание губительно.

Уже говорилось, что Зине очень хочется стать хорошей, интересной, неповторимой. Она умная, хваткая девочка. Она первая там, где нужно чему-то следовать, исполнять предписываемое правило. Но сталкиваясь с людьми тонкими, сложными, не пользующимися примитивными внешними стандартами поведения (а именно такова молодая учительница, забравшая к себе домой Зину), девочка чувствует себя беспомощно. И все, что она восприняла в искусстве, ей в отношениях с этой учительницей не годится — все это неосвоенное, сложенное в памяти, как набор внешних рецептов.

Признание в любви встречает гневный и грубоватый, оскорбительный отпор мужчины... Учительницу она не может вывести из ее незапланированного, нелогичного, неправильного, по мнению Зины, добра. И чувствуя, что ей не перескочить через собственную пустоту, незаполненность, взрывается Зина непонятной для окружающих немотивированной жестокостью.

Поистине символична сцена. После очередных потрясений, житейских неудач Зина смотрит по телевизору передачу о фигурном катании. Прекрасна и грациозна фигуристка, и девочка, девушка пытается ей подражать. Буквально. Повторяя движения. Это одновременно и грустно, и смешно, и нелепо...

...Мы сегодня много и часто говорим о комплексном воспитании. Поистине это требование самой жизни, и еще раз это

требование прозвучит, если мы будем думать о встрече наших детей с искусством, об их эстетической подготовке.

На примере Зины Бегунковой мы еще раз убедились: человек не формируется по частям. Нельзя ребенку или подростку сначала «показать» все прекрасное, после «рассказать» обо всем моральном, нравственном. В деятельности, в повседневном многоплановом общении с другими людьми идет становление личности. И если в какой-либо сфере активной деятельности ребенка есть провал, он обернется перекосом во всем воспитании.

А теперь самое время снова вернуться к материалам предыдущих глав. Становится понятным, почему разминулись с прекрасным Кларисса, Саша, Вера, Маша. У каждого процесс становления личности был явно не гармоничным, у каждого не хватало либо жизненного, нравственного опыта, либо каких-то качеств характера для того, чтобы из столкновения с произведением искусства рождались мировоззренческие ценности. В Клариссе эстетством задавлены в детстве естественные общественные начала. Саша просто лодырь, он в детстве и отрочестве не познал по-настоящему радость труда, формируется из него потребитель, и прекрасное он потребляет, как прочие блага. Вере не хватает глубины. Маша захвачена волной мещанской престижности — выделиться, выделиться хоть в чем-нибудь.

Кстати, именно «неравномерность», «непропорциональность» в становлении человека очень часто служит почвой для тяги к произведениям дешевого вкуса, созданным на потребу, для заполнения пустого времени.

Справедлив подчас родительский упрек — «в кино показывают не то». Действительно, не то. Так, в Свердловской области, по данным кинопроката, больше всего зрителей просмотрело... «Есению», безвкусную, непритязательную мелодраму.

Но ведь у этого факта есть и другая сторона — серьезный человек, захваченный решением мировоззренческих проблем, на «Есению» не пойдет, благо существует информация и устная и печатная, которая всегда сориентирует, о чем фильм, круг каких тем он затрагивает. Или не досмотрит фильм. А если и посмотрит пустую картину, то потеряет лишь время, не больше. Для гармонически развивающегося человека подобные влияния не страшны. С юмором он отнесется и к «Фантомасу», и к фильму ужасов, и к жестокому детективу.

Не будем преуменьшать, но и не будем преувеличивать значение каждого просмотренного фильма, каждой прочитанной книги в отдельности. Воспитание искусством — могучее средство

формирования личности, но при одном условии: если одновременно успешно идет воспитание трудовое, нравственное, если личность ребенка мы воспринимаем как целостную, неразделимую, если все используемые нами средства воздействия (и искусство тоже) направлены на одно — вырастить человека доброго, честного, трудолюбивого, с четкими мировоззренческими, гражданскими позициями, которые он готов отстаивать до конца.

Тогда и только тогда мимо несовершенного в искусстве растущий человек пройдет безболезненно, а все ценное, весь духовный опыт, заключенный в произведении, использует с пользой для строительства собственного характера, собственных взглядов на мир.

2. ВСЕ ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

За годы работы в печати мне посчастливилось прочесть немало родительских писем, касающихся проблемы искусство — взрослеющий ребенок, писем заинтересованных людей, писем людей обладающих опытом воспитания.

Естественно, готовя эту книгу, время от времени обращалась к ним, подчас с грустью: и это не вошло, и это «не ложится», и об этом нет возможности рассказать подробно. Что ни письмо, то проблема.

Вот пишет отец четверых детей, рассказывает, как приобщали ребят к театру, к изобразительному искусству. Считает, что важно пойти с младшим на спектакль или на выставку и «обставить» такой семейный поход торжественно, воспитывая прямо-таки святое отношение к искусству. Что верно, то верно.

Многие письма рассказывают о тех родителях, которые готовят встречу с искусством не только своим детям, но и другим. Так, в одном из московских ЖЭКов в красном уголке вот уже 12(!) лет руководит детской студией изобразительного искусства архитектор Галина Алексеевна Рождественская. Вот если бы каждый из нас отдавал детям свои знания, зажигал младших своими пристрастиями!

Старый, испытанный метод: чтобы увлечь — надо увлечься самому. Именно так живет Галина Алексеевна. Влюбившись в живопись, она сумела передать свою любовь поначалу своим детям. И сын и дочь вслед за нею тоже полюбили мир красок. После — знакомые детей, после — дети со двора... Сейчас для многих из них рисунок и живопись — это могучее средство познания мира и познания себя, самовыражение, радость и страсть. И собственные дети и дети из студии проводят за мольбертом много счастливых часов. А как спешат они посетить открывшуюся выставку, как много видят на ней!

Для Рождественской занятия в студии служат большой педагогической цели — воспитать у детей потребность в творчестве. Радость самовыражения, радость воплощения собственного замысла — все это надо познать в детстве, чтобы возник и закрепился импульс к действию, пришла уверенность в необходимости творческого труда, в нужности его и значимости.

В двух маленьких комнатках ЖЭКа занимаются ребята от двух до шестнадцати лет.

Малышам Рождественская дает цветную бумагу, краски, фломастеры, карандаши — каждый выбирает «материал» по вкусу, каждый рисует, что хочет, осваивая цвет, линию,

пространство, форму. Уже на первых шагах выявляются пристрастия юных художников: кому-то ближе цвет, и он становится «живописцем», еще не умея твердо удерживать кисть, кто-то предпочитает «графику».

Лет с двенадцати воспитанники Рождественской уже осознают те задачи, которые ставят перед собой, начинают поиски выразительных средств. В эти годы их педагог мягко, ненавязчиво подсказывает ребятам некоторые из них. «Ты хочешь, чтобы твой пейзаж стал теплее? Нарисуй оранжевое солнце. Красная скамейка — тоже «теплое пятнышко».

В пятнадцать—шестнадцать ребята работают как взрослые художники, связывая свой замысел с мировоззрением, со стремлением сказать миру что-то свое, открытое в результате раздумий, переживаний. Одновременно идет обучение «технике»: ребята регулярно выезжают на этюды, пишут в студии натуру.

И все это время Галина Алексеевна открывает для своих юных друзей общественную суть подлинного творчества. Каждая работа прежде всего находит отклик у друзей. («Научить радоваться успеху друга как собственному поэтому очень важно», — считает Рождественская). Выставки в студии и за ее пределами имеют ту же цель. Но самое важное — показать общественную заинтересованность в ребячьем творчестве. И вот студийцы берутся оформить московский завод игрушки «Кругозор». На всех двенадцати этажах административного корпуса роспись стен делается по эскизам студийцев. Ребячьи панно украшают заводские цехи.

А недавно ребята проделали большую работу по благоустройству своего района к Олимпиаде. Они написали эскизы щитов, которые будут установлены на детских площадках, эскизы росписи стен домов, около которых построены детские городки. Украсить пионерский лагерь, школу, двор — все это вошло в быт юных художников, за все это они не раз получали благодарность и от взрослых и от сверстников, это не раз убеждало: творчество — живая, прочная нить, связывающая каждого человека с другими людьми. Отдаваясь творчеству, он осваивает богатства культуры, созданные другими, и приумножает их сам.

...Художественное воспитание вроде бы ставит перед собой довольно узкую цель — развить одну из способностей, заложенных в человеке, помочь самовыражению формирующейся личности. Но художественное воспитание очень часто становится шагом к воспитанию эстетическому, его методом, его средством. А эстетическое воздействие куда шире, и цели у него и задачи более значительные: научить человека чувствовать, видеть и

поступать по человеческим законам.

Поет человек или нет, танцует или неуклюж... От этого многое зависит, но не все. И потому в детских коллективах художественной самодеятельности руководитель чаще всего не ограничивается научением петь, танцевать, читать стихи, играть на гитаре и т. д. Вот письмо от девочки, занимавшейся в ансамбле имени Локтева московского Дворца пионеров.

«Я стала взрослой, — пишет автор. — Но тысячи нитей связывают меня с моим ансамблем. Все, что во мне есть хорошего, интересного, — все из ансамбля. Умение дружить, подчинять свои интересы коллективу (чего стоили наши выступления, знаем только мы, какой дисциплины и самодисциплины требовал наш успех). Умение гордиться товарищами, любовь к музыке, танцу — все, все из тех моих детских, школьных лет».

Художественный навык сам по себе не является залогом высокой нравственности. Прекрасный танцор, скажем, может быть жадным, злым или трусливым. Это чувствуют родители, авторы писем, и откровенно признаются, что стараются отдать детей в кружки, где ребята получают и нравственную закалку.

Вот рассказ о ленинградском ТЮТе при ленинградском Дворце пионеров. ТЮТ — театр юношеского творчества. Его «актеры» проникаются поистине святым отношением к театру, знакомятся с таким высоким и сложным понятием, как «служение искусству». И актеры здесь не только актеры, но и реквизиторы, столяры, портные одновременно. Каждый познает до мелочей, как делается спектакль. Иными глазами — добрыми, дружескими, смотрит тютовец любой спектакль, он знает ему истинную цену, представляет, сколько проделано работы, чтобы спектакль появился на свет.

Очень часто родителей привлекает в кружке художественной самодеятельности, в детском самодеятельном театре именно это положительное влияние на нравственное становление ребенка. Творческий коллектив очень легко вырабатывает и внедряет высокие этические нормы. Так, например, у ленинградских детей-тютовцев есть свой неписаный устав и даже точно очерченные правила поведения. ТЮТовцы не грубят друг другу, мальчики не позволят девочкам нести тяжелые сумки, выполнять трудную работу. Само собой разумеется, что прекрасное театральное дело должны делать люди, которые стараются стать прекрасными.

Но говоря о большой роли художественного воспитания в общеэстетической подготовке ребят, в подготовке их к подлинной встрече с большим искусством, многие родители предостерегают от того, чтобы считать его единственной точкой приложения родительских усилий. И в ансамбль песни и танца, и в кружки

изобразительного искусства дети должны приходить по велению души и собственного дара. Ни в коем случае не стоит растущего человека делать артистом или художником с первых жизненных шагов, заставлять многие годы проводить у ненавистного рояля. Не хочет..? Что ж, придется искать другие пути приобщения к прекрасному, иные стимулы движения личности в этом направлении. Ребенок склонен к спорту. Или к науке. Или через физический труд приходит к эстетическому освоению действительности. Не зря же говорят, что «он трудится красиво». Все эти пути так или иначе приближают ребенка к общению с настоящим искусством, помогают поднимать новые и новые слои культуры, овладевать теми богатствами, которые выработало человечество.

Именно это — суть всякого художественного воспитания, знакомства с тем или иным видом искусства на практике.

И писем, рассказывающих о занятиях ребят в том или ином кружке, немало.

Кто-то делится опытом, как от «принудительных» занятий детей в школьном хоре протянуть ниточку к подлинной и широкой любви к музыке, кто-то рассказывает о руководстве чтением и о семейных литературных вечерах. Что поделаешь, все это в одну работу не войдет, все это останется за ее пределами. Но вот письмо, которое прямо продолжает тему нашей книги, углубляет ее, доводит до логического завершения. Приведу его полностью. Начинается оно поэтическим эпиграфом:

> Все это было, было, было,
> Свершился дней круговорот.

Оттолкнувшись от стихотворения Блока, автор пишет:

«Мне двадцать три. Из детей я вырос, до «родителя» не дорос, не женат и детей не имею. Но хочется поговорить о том, до чего додумался только сейчас и что мне кажется очень важным в воспитании человека.

Не так давно побывал в пушкинских местах. Михайловское, Тригорское, Петровское. Могила поэта в Святогорском монастыре. Кто его знает, что произошло. То ли реальность обстановки, которая окружала Александра Сергеевича, так на меня подействовала, то ли просто сказался накопленный уже опыт жизни и некоторых размышлений. Но вдруг все мои знания о поэте ожили, я вдруг ощутил, представил, понял (не могу подобрать слова для объяснения того состояния, которое испытал) тот миг Истории, в который уложилась великая жизнь.

То, что было хрестоматийным, академическим, абстрактным,

обрело реальные очертания, приметы. Строки «Вновь я посетил», «Мой первый друг, мой друг бесценный» и даже шутливые «Подъезжая под Ижоры» наполнились. Стало понятным настроение, в котором они создавались. И все творчество, и вся жизнь Пушкина предстала в ином свете. Труженик, человек чести, прекрасный друг, вольнолюбец — все это я вроде бы раньше знал и вроде бы не знал.

Вернулся в Саратов. Прочитал всю литературу о поэте и многое из того, что писали его современники, предшественники, последователи. Пушкин отныне стоит в ряду прочих значительных творцов литературы и в то же время совершенно особенно — гений!

Как много дает мне его творческий и жизненный подвиг! Человек я от литературы далекий — технарь, как нынче говорят. Но жить я в своей не литературной жизни стараюсь полнее. Больше успевать. Лучше относиться к людям. Принципиальнее к делу. Все это незримо связано с теми минутами, которые я недавно пережил в пушкинских местах.

Искусство отныне я воспринимаю по-другому. Каждый кинофильм, театральный спектакль отныне связаны в моем сознании со временем возникновения тысячами нитей, тысячами явных примет.

И даже такое лишенное конкретных бытовых деталей искусство, как музыка, обязательно соотносится с той или иной эпохой. Моцарт — конечно же, век восемнадцатый, Бетховен — французская революция, Скрябин, Рахманинов — годы перед Октябрем.

Только соединив искусство с историей, а конкретное произведение — с конкретным моментом этой истории, можно осознать, как проявляются и должны проявляться общечеловеческие ценности — добро, любовь к Родине, честность, стойкость, трудолюбие. Только так можно понять, как важна для каждого человека активная гражданская позиция и как сложно ее обрести — какой это всегда труд, какое волевое усилие, какое мужество.

Вернемся к тому же Пушкину. Помните, когда царь Николай I спросил его, где бы был он, поэт, во время восстания, тот ответил: на Сенатской площади, с декабристами, с друзьями. И это после гонений, ссылок, долгого вынужденного одиночества! Разве это не пример гражданской стойкости?

Зачем я пишу все это в редакцию? А затем, что это чувство истории мне бы не мешало обрести раньше, в школе. Момент Истории должен всегда присутствовать в преподавании гуманитарных предметов. У нас был хороший учитель

литературы Михаил Карпович. Он приносил на уроки и гравюры, и открытки, и пластинки, чтобы «представить картину в целом», может, благодаря ему мое восприятие произведений искусства и обрело глубину, перспективу. Но освобождать взгляд от накипи серого академизма, наверное, можно и дома, в семье? Твердить детям почаще: «Все это было, было, было», во всем этом отражена самая что ни на есть настоящая жизнь тех, кто прошел по Земле до нас. И потому это прямо касается и нас...»

Искусство по сути своей исторично, автор письма прав.

«Момент Истории» входит в школьный курс литературы. Совсем не случайно наши ребята всегда изучают вместе с произведением ту историческую эпоху, в какую оно возникло, изучают биографии писателей.

Многое в этом направлении делает школа. Но, к сожалению, гуманитарный цикл предметов в школе очень неполон. За пределами школьной программы практически музыка и ее история, архитектура и ее история, изобразительное искусство и его история. Но даже и этот неполный цикл постоянно урезается под напором современных естественных и технических знаний. Так, в 1965 году при пересмотре школьных программ раздавались отдельные голоса представителей Академии педагогических наук РСФСР потеснить гуманитарные предметы.

Видные представители искусства: актер Сергей Бондарчук, искусствовед Наталья Дмитриева, композитор Дмитрий Кабалевский и другие тогда дали отпор этой тенденции, обратившись в редакцию газеты «Известия» с встревоженным письмом. Но жизнь показывает: перегрузки в школах и вузах пытаются ликвидировать именно за счет сужения гуманитарных предметов. При этом, естественно, отсекается или свертывается общеисторическая их часть, то, что дает фон для восприятия произведений искусства, фон, в конечном счете, очень необходимый, очень важный.

Но даже и то время, которое отводится на гуманитарные предметы, используется не всегда лучшим образом. Подчас ребятам на уроках дают знания об искусстве, а не само искусство. Так литература превращается в скучноватое собрание фактов об авторах, в перечисление черт, набор «образов». Именно это пытался преодолеть и преодолевал в своем Павлыше Сухомлинский, создавая свою «школу радости». Просто читать, не препарируя текст, не убивая его души, просто слушать народные песни, просто любоваться природой. В этом «просто» — совсем непростое умение обращаться к чувствам.

К тому же надо помнить еще вот о чем.

В силу «разорванности» школьного обучения, в силу членения

предмета на темы и уроки происходит подчас отчуждение изучаемого материала. Подчас он психологически отторгается из-за того, что идет извне, что этот «урок» — нечто обязательное и совсем не нужное ученику сейчас, в этот момент для развития личности. Вот и случается, что Пушкин после школьного курса существует сам по себе, а Маяковский — сам по себе, и передвижники никак не соотносятся с «Могучей кучкой» или Герценом.

Историчность сознания... Чем раньше человек обретет это качество, тем полнее будет он воспринимать весь нравственный, воспитывающий потенциал прекрасного. Тем лучше будет результат эстетического воспитания. «Момент Истории» — как бы фермент, при котором быстрее идет реакция формирующийся человек — прекрасное.

Многое здесь от семьи.

Близость с отцом, с дедом, возможно, с прадедом породит естественное историческое, временное чувство. Сегодняшние шестидесятилетние могут показать своим внукам, что они воспринимали Маяковского не только как «фигуру в литературе», но и как человека, современника, определяющего духовный климат эпохи.

Чтобы снять «хрестоматийный глянец», «оживить» поэта, обнажить нравственные искания личности, воплотившиеся в его стихах, подчас достаточно в непринужденной семейной обстановке вспомнить, как рвались на чтения все молодые, как отзвуки его боевых выступлений доходили и в те дома, где люди были сравнительно далеки от литературы.

Фронтовая фотография, прокомментированная к месту и ко времени, может высветить особым, резким и точным светом страницы повестей Георгия Бакланова, «Горячий снег» или «Берег» Юрия Бондарева, приблизить к сегодняшнему дню их героев, напомнить, какой дорогой ценой оплачиваются такие человеческие ценности, как любовь к своей Родине, верность долгу.

И наконец, всегда поможет музей: исторический, краеведческий, литературный. Все мы знаем, как много значит сегодня в кино, в поэзии, в литературе емкая, точная деталь. Как важно увидеть ее, прочувствовать.

И вот мемориал, посвященный победе наших воинов на Курской дуге. Под стеклом обычная земля. Обычная... Взятая с поля боя совсем недавно. Земля, где мало земли и много пороха, много ржавых осколков от гранат, снарядов, бомб. Разве это не метафора, рассказывающая о битве лаконичнее и убедительнее всех длинных описаний? Разве это не деталь, берущая за сердце,

та самая, от которой ком в горле?

Время... Время... История... Удивительное чувство, словно рядом незримо присутствуют те поколения людей, которые прошли по Земле до нас. И острое чувство причастности к своему времени, к своему поколению. Железная земля... Одна деталь и осознаешь с чувственной убедительностью: те, что были до нас, жили. Они были. Трудились. Сражались. Во многом были похожи на нас. Так же видели эту землю, это небо и солнце, так же дышали, плакали, смеялись, волновались. И эта курская земля — напоминание нам, что ничья жизнь не проходит даром, не пропадает, что все мы в мире — необходимое звено. Без этой идеи жить трудно, на ней стоит нравственность. И благодаря ей существует искусство, вечное и вечно новое. Обращенное к нам и нашим детям.

...Если История вошла органично в общение нашего ребенка с искусством, если это помогает растущему человеку преодолевать свою единичность, «прибивает» его к обществу, дает ясные ориентиры для определения своего гражданского места и нравственной позиции сегодня — значит, все идет как надо...

Кошелева Инна Яковлевна
ВСТРЕЧИ С ИСКУССТВОМ

Главный отраслевой редактор *Р. Д. Станковская*
Редактор *О. Г. Свердлова*
Мл. редактор *Т. М. Мурашова*
Художник *В. А. Провалов*
Худож. редактор *Т. С. Егорова*
Техн. редактор *Т. В. Пичугина*
Корректор *С. П. Ткаченко*
ИБ № 2362

А09173. Индекс заказа 92110. Сдано в набор 12.07.79 г. Подписано к печати 7.09.79 г. Формат бумаги 70Х100/$_{32}$. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,5. Печ. п. 3,0. Усл. печ. л. 3,90. Уч.-изд. л. 4,68. Тираж 453 400 экз. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 744. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Цена 14 коп.

14 коп.

Индекс 70062